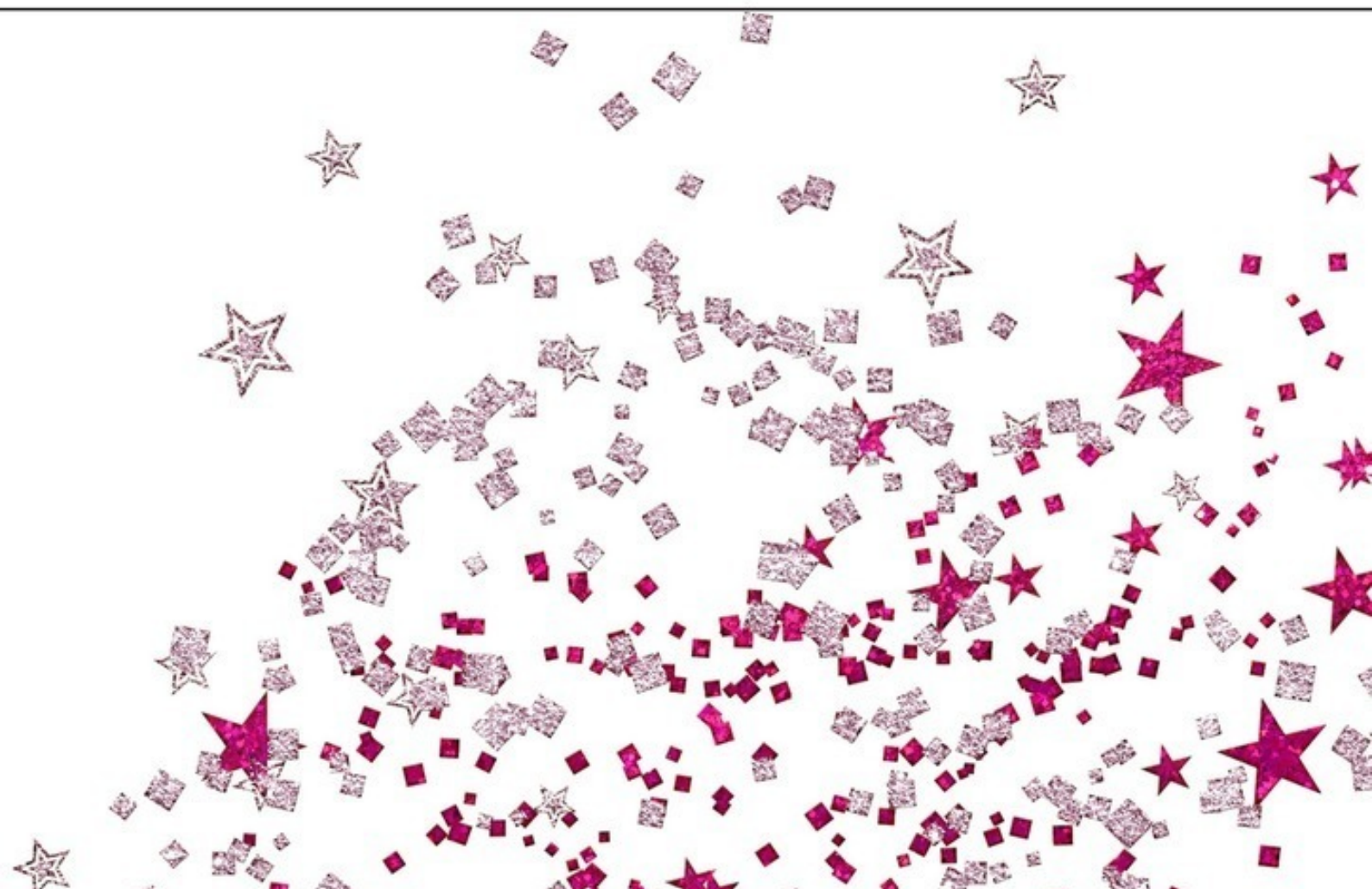

Либерт Таисса

*Помоги мне
исполнить
мечты*

Либерт Таисса

Помоги мне исполнить мечты

«Издательские решения»

Таисса Л.

Помоги мне исполнить мечты / Л. Таисса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901242-5

Эмили — шестнадцатилетняя девушка, жизнь для которой только начинает гореть своими настоящими яркими красками. Но она не видит этих огней за проблемами, что так внезапно на неё навалились. Девочка думает, что она оставлена всем миром в одиночестве, которое не по силам ей перенести. И она делает для себя важное решение. А выжив после содеянного, она понимает, как же дорога ей жизнь. Но уже слишком поздно.

ISBN 978-5-44-901242-5

© Таисса Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая «Удар»	6
Один	6
Два	15
Кристи	15
Эмили	19
Часть вторая «Надежда»	22
Три	22
Четыре	25
Часть третья «Как и должно быть»	30
Пять	30
Шесть	36
Семь	41
Восемь	48
Девять	52
Часть четвертая «This sweet revenge»	56
Десять	56
Одиннадцать	61
Двенадцать	67
Эмили	67
Эмили	75
Брэд	76
Тринадцать	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Помоги мне исполнить мечты

Либерт Таисса

Жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты оживленно строишь совершенно другие планы.

Джон Леннон

Мы боимся верить и любить.

Мы боимся мечтать и летать.

Мы боимся замертво упасть.

И уже больше никогда не встать.

Мёртвая Душой.

Посвящается Е. Р.

© Либерт Таисса, 2017

ISBN 978-5-4490-1242-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая «Удар»

Один

Я сижу на койке в палате и все не могу дождаться, когда же мне можно будет покинуть это место. Мне надоело видеть всю эту аккуратность, фальшивые улыбки медсестер, есть пищу, которую здесь подают, терпеть разнообразные уколы, глотать таблетки. Это так мне наскучило, что я бы отдала все за любую возможность, чтобы ускользнуть отсюда. Только вот незадача: за мной хорошенько присматривают.

– Эмили Беннет? – постучав в дверь и приоткрыв её, спросил мужчина в халате.

На внешность он был очень мил, пожалуй, самый приятный доктор из всех, что мне встречались. А еще он никогда не пристаёт с дурацкими вопросами! Доктору уже лет за шестьдесят, он очень добр и учтив; его волосы седыми прядями уложены на левый бок, но иногда, если случается очень много работы, он появляется в растрепанном виде, прибавляющем ему пару десятков лет к молодости.

Несмотря на его возраст он всегда выглядит очень живым и жизнерадостным. Это я поняла спустя три дня моего здесь пребывания. На все вызовы (как срочные, так и нет) он всегда шел с радостью, словно ему приносило удовольствие то, что он делает: спасает жизни людей и лечит их. И, если честно, вопреки моей вечной грусти он, не подозревая об этом, оставлял какой-то приятный след в моей душе. Одним словом, я очень рада, что этот человек – мой доктор, а я являюсь его пациенткой.

На самом деле, это не первый мой визит в травматологическое отделение, но именно к эту лечащему врачу я не попадала еще ни разу. И, правда, не думаю, что этот случай последний.

– Собственной персоной, – с выдохом произнесла я.

Я чувствовала себя отлично, хотя последние годы дышать полной грудью мне давалось с трудом. Нет, нет, это вовсе не из-за каких-нибудь травм грудной клетки – просто само знание, что я все еще жива в этом тленном мире, меня убивает. И еще кое-что.

– Я пришел тебя проведать, – сказал он, а я кивнула, как бы приглашая его внутрь.

Войдя в мою палату, он тихонько, как и всегда, закрыл за собой дверь, чтобы не нарушить тишину, находящуюся у меня в «апартаментах». Доктор мягко и бесшумно ступал по полу, и я уже в какой раз спросила себя: «Как он это делает?». Сев на мою постель, он развернул папку с моим именем, достал ручку из кармана белоснежного халата, поправил маленькие круглые очки, которые постоянно спадали с его носа, и стал пристально меня оценивать.

– Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится, не тошнит, в глазах не темнеет?

– Нет, все отлично, спасибо, – отчеканила я. За неделю я, наверное, уже успела выучить эти слова наизусть: вечные, одинаковые и монотонные расспросы медсестер, доктора, которые меня очень раздражают.

– Хо-ро-шо, – медленно произносил он, записывая в карточку, какое у меня самочувствие. Чернила у него в ручке светло-синие, а не темные, как у многих других. А еще его ручка никогда не оставляет клякс и не мажет по бумаге, что очень практично. Следя за тем, как медленно двигалась его ручка по линованному листу и как на нём выводились красивые прописные буквы, словно он всегда был художником, я пыталась сосредоточить весь свой мозг и вспомнить имя доктора.

Какая же я глупая! Все время забываю, как его зовут. К счастью, он всегда носит на своем халате что-то, что могло бы мне помочь. Я присматриваюсь к бэйджику, что был закреплен булавкой на левой стороне груди.

– Доктор Фитч, а когда я уже смогу покинуть это... помещение? – Мне до жути хотелось сказать «заведение». Заведение... боги, о чем я думаю?

За последний год, что я провела в таком унылом состоянии, я стала такой несносной и рассеянной. А еще мне Лондон – моя единственная подруга – говорит, что я эгоистка. Ох, если бы она только знала всю правду... Хотя, если она так говорит, то, скорее всего, так и есть, ведь ей со стороны намного виднее. Но, как говорится в одной забавной фразе – чья бы корова мычала. Подруга сама-то стоит десятерых таких, как я!

– Мы сегодня еще раз проведем рентген височной доли, – доктор Фитч протянул руку и указал на мой правый висок. Он сейчас был наполовину выбрит миллиметра под три; на коже все еще остались следы от недавнего происшествия, – и если все будет хорошо, то завтра ты можешь поехать домой.

«Домой», – подумала я. В это мгновение истинное значение «дома» оказалось таким далеким, таким неприступным, словно мечта. А где мой истинный дом?

Уже как два года мне не хочется возвращаться домой. Не думаю, что меня кто-то там ждет. Хотя бывает порой: если отцу вздумается выместить на мне всю злость или если он внезапно снова будет винить меня во всех бедах, то да, он может ждать меня, хоть вечность. А когда дождется, то с еще большей яростью и энтузиазмом возьмется за своё любимое дело. От этих воспоминаний у меня ужасно заныла спина в тех местах, где серебряные полоски исчертили мою кожу.

– Так, давай, я осмотрю твои повреждения, – продолжил доктор Фитч. Он отложил в сторону мою карточку с ручкой и показал жестом, чтобы я развернулась на девяносто градусов.

– Говорите, словно с жертвой автокатастрофы или аварии, которая произошла вчера, – недовольно произнесла я, разворачиваясь боком и немного приподняв футболку. На моей спине и на моих ребрах сейчас плясали горчичного цвета пятна, уже пожелтевшие и старые.

– Мне нужно записывать все, даже твои синяки. – Он говорил усталым голосом. Конечно, кому за неделю не надоест унылая пациентка, которая вечно жалуется на все и вся? Ведь почти всегда, когда заканчивались эти однотипные расспросы, то мы с доктором Фитчем немного разговаривали. И пусть он не задавал мне вопросов, откуда появились у меня все эти увековечения, я думаю, что он подозревал. И чем больше мы с ним общались, тем больше я сама начинала болтать обо всех этих причинах, хоть и косвенно, не называя сами факты. Довольно странно, да: девушка-подросток, как я, и пожилой мужчина смогли найти общий язык?

Моя сестра, Кристи, как-то раз после нашей долгожданной встречи сказала, что я действительно стала умной не по годам. Конечно, не ей ведь живется в такой обстановке, в которой живу я. Она уехала в свой университет в Лос-Анджелесе и даже не подозревает и десятой доли того, что здесь творится. Она оставила меня одну.

Доктор слегка прикоснулся к моим ребрам, а я вздрогнула и вовсе не от того, что у него руки были холодные – мне всегда было неприятно, когда кто-то ко мне прикасается, особенно если я этого не желаю. Это еще один глупый мой пунктик, как и веселье – я уже два года не смеялась искренне и по-настоящему. Невероятно, да? Желтое пятно то исчезало, то появлялось под нажатием пальцев доктора. То же самое было с позвоночником и другим боком.

– Гематомы почти прошли. – Продиктовал он то, что записывал.

Ну да, они всегда проходят. Хотя иногда некоторые оставляют большие кровоподтеки на коже, и тогда синяки остаются на моём теле подольше, но, в конечном счете, они все равно проходят тоже.

– Мне все еще нужно пить таблетки? – поинтересовалась я. Если честно, от всех этих лекарств меня уже изрядно тошнит, а от последних, которые мне прописали, у меня резко начинается изжога. А еще голова, она частенько болит, и меня подташнивает – но это все последствия моей травмы.

– Да, несмотря ни на что. Сотрясение – это тебе не шутка.

Я заметила некую перемену в настроении доктора, сегодня он был не в духе, а может, волновался за кого-нибудь. Но думаю, что сегодня доктор Фитч не настроен воспринимать иронию моих речей, а также глупости, которые я порой произношу.

– Вы же сами говорили, что мне повезло, раз ушиба нет.

Кстати, по этому поводу. Да, у меня вновь сотрясение. Даже не знаю, в какой раз это произошло, но раза три – это точно. Мне уже казалось, что когда-нибудь мне просто напросто разmozжат черепушку и я не буду мучиться, но, как видно, голова у меня еще тот крепкий орешек. И вполне странно, что еще ни разу не было ушиба. Наверное, не тот масштаб сил, чтобы настолько сильно проломить мне череп.

Еще один мой пунктик: говорить всем, что у меня все отлично; делать вид, что мне не безразлично своё здоровье, что я заинтересована в чем-то, пока я внутренне умираю. Так люди, по крайней мере, думают, что я хочу жить.

– Это не меняет ваш диагноз. Я – ваш доктор. И прошу вас, Эмили, не перечьте мне. – Доктор Фитч вдруг резко взорвался, хотя взрывом это назвать было нельзя. Вот как Лондон взрывается, это да! Она начинает кричать и громить все на свете!

Вообще, ещё на третий или четвертый день моего пребывания здесь мы что-то вроде заключили договор: относиться друг к другу на равных, словно нет у нас разницы в возрасте. Эту идею предложил сам доктор Фитч, а я согласилась. Почему бы и нет? Особое некое доверие между доктором и пациентом. Так вот, я уж думала, что этот договор еще в силе, но оказывается – нет. Это доказала только что произнесенная им фраза.

– Как скажете, доктор, – проговорила я. Думаю, доктор Фитч понял сарказм у меня в голосе.

Он нахмурился, от чего на его лбу появились три складочки, рот недовольно подернулся, а затем он поменялся в лице: стал грустным и более мягким. Вероятно, я была права – тяжелый день.

– Вы звонили моей матери? – поинтересовалась я.

– Да, – угрюмо произнес он. – Она интересовалась, как твоё самочувствие.

– Х-м-м, – хмыкнула. – Недостаточно, чтобы навестить меня.

Фитч приподнял брови и немного склонил голову – наверное, был отчасти согласен со мной. Доктор положил ручку в свой карман, взял папку с моими документами, поправил свои очки, которые вновь соскользнули с носа, и вышел из палаты.

Я слышала какие-то голоса за дверью, видела тень моего недалеко ушедшего доктора и думала лишь о том, что скоро смогу снова почувствовать свободу. Еще день. Всего день и я свободна! И меня не будут ограничивать стены этого здания. Хотя... какой толк? Да, мне безумно хочется вернуться к свободе, что ждала меня на улицах города, но мне не хотелось возвращаться домой. Быть может, мне отрастить бороду и записаться в цирк уродцев? Возможно, хоть там я буду чувствовать себя в своей тарелке, в среде, где тебя любят, где ты нужен.

– Эмили, к тебе посетитель. – Доктор Фитч снова заглянул в дверь и скрылся. На этот раз, видимо, точно.

В моем сознании пронесли имена людей, которые могли бы меня посетить в последний день, а таких не оказалось совсем. Никто не знал, что я здесь нахожусь, а мои родители... им плевать, они подождут, пока я сама вернусь домой. Ни мама, ни папа ни разу не навестили меня, хотя и, вероятно, отвезли меня в больницу. Я не помню ничего. Но я никак не могла подумать о ней.

– Здравствуй, Эмили. – Деловито шагая, женщина в строгом костюме направилась прямо ко мне, пожала руку и села в кресло, предназначенное для посетителей.

Она была само совершенство: прекрасная укладка, где ни один волосок не смел выбиться из общей кучи, идеальной длины ногти и безупречный маникюр, а также отлично выглаженный костюм – ни одной складочки, кроме, конечно же, классических стрелок на брюках. Красная

помада и ровные стрелки на веках – эта женщина или имеет хорошего визажиста, или она ведьма. Все это также показывало, что она – человек довольно высокого полета. У-у-у, она явно не знает, каково это – тратить деньги только на самое необходимое. В общем, от одного моего взгляда на неё меня заворотило – не люблю таких людей, они думают, что выше всех остальных. И, конечно же, они считают, что их жизнь идеальна.

– Здравствуйте, – холодно ответила я.

– Меня зовут Роуз Эверглоу, я – инспектор по делам несовершеннолетних, – представилась женщина. Меня напряг её резкий, властный голос, хоть она и старалась сделать его мягким, все равно я заметила эту разницу. Уж что-что, а в этом я самый что ни есть спец.

– Я знаю, кто вы, – с презрением сказала я.

– Да, и откуда же? – Роуз откинулась в кресле, положив руки на деревянные ручки, а ногу закинула на ногу, легонько покачивая ею. Такой дерзости в своей палате я еще не видела!

– Вы частенько приходили в гости к нашим соседям, следили за их семьей и все тому подобное. – Пытаясь напомнить ей историю той самой семьи, которую она «спасла», мне хотелось передать всю злость и ненависть к ней своим голосом.

А вот что случилось с нашими соседями. Живем мы не в элитной части города, что естественно, как мне кажется. Как говорится, квартал неудачников. Наш дом – это многоэтажное здание, где почти у каждой квартиры есть свой балкон, но и такая квартирка стоит дороже. Само здание разделено на несколько частей, что-то вроде пристроек нового типа. В одной такой части здания пять этажей и по три квартиры на каждом этаже.

Нашими соседями была семья: женщина и три её ребенка – все девочки. Отец, кажется, бросил их, а вот мать запила. Старшая из сестер всегда пыталась прокормить младших, и у неё это удавалось, она работала официанткой в каком-то кафетерии. Мать их никогда не избивала, просто могла уйти в загул на неделю, а порой и на несколько недель, из-за чего все они пропускали учебу. А за младшей девочкой – ей всего восемь – внимательно следили службы опеки. И однажды к ним пришла Роуз, которая разнюхала всё, что ей было нужно, и застала их опьяневшую мать. Как я знаю, женщину лишили родительских прав, старшая девочка осталась с ней, ведь она уже совершеннолетняя, а остальных разлучили с семьей и между собой. Пока они не могут связаться друг с другом.

Роуз разрушила их семью, хоть и думала, наверное, что их спасает. Хотя нет, если бы она, действительно, пыталась им помочь, она бы навещала их и тогда, когда с их матерью все бывает в порядке; она бы поняла, что ничего плохого эта женщина не делает, даже в пьяном угаре. Она просто бедная, опечаленная женщина, которая пыталась забыться в алкоголе. И даже несмотря на это их семья была очень счастлива. А Роуз – просто эгоистка, мечтающая подняться по карьерной лестнице.

– Ах, да, я и забыла. Кстати, по этому поводу. Я была у тебя дома, узнавала у соседей про вашу семью и крайне недовольна тобой, – её голос звучал так, словно она была довольна собой, словно она сама с себя благоговела.

– Что? – задохнулась я. – Извините, но как вы смели без разрешения узнавать о моей семье?

– А ты думаешь, я бы поверила твоей истории с лестницей, мол, «упала, проснулась, сотрясение»? – Она усмехнулась.

Я задыхаюсь от гнева. Это было сказано настолько дерзко, что ужасно будоражило моё внутренне состояние. Я не могла остановиться, я закипала. Мне кажется, что еще чуть-чуть, и я выпрыгну в окно, лишь бы не слушать эту женщину. Она ужасна! Да как она смеет!

– Эмили, я знаю, что ты часто прогуливаешь школу, знаю, что у тебя в семье не все в порядке, и знаю о Томе. – Уже спокойно сказала Роуз.

«Том», – голос эхом звучал в моей голове. Перед глазами вспыхивают воспоминания. Сейчас я бы отдала все на свете, лишь бы не думать о нем. Но все никак не получается.

Вспышка, крик, сирена. Мои глаза застилает красная пелена, а ярость внезапно затухает во мне. Теперь мне хочется стереть себе память, только не вспоминать о нём. Это выше моих сил.

– Ты можешь мне довериться. Расскажи, что случилось в тот день, когда тебя сюда привезли? – Она неожиданно близко оказалась рядом со мной.

Когда я взглянула на неё, то женщина уже сидела рядом со мной, держа меня за ладонь, пытаясь расшевелить мои воспоминания. Они волной накатывали на меня.

Что случилось?

Что случилось?!

Я вспоминаю всю картину так четко, как будто она произошла вчера, будто она происходит сейчас, а я наблюдаю все со стороны, как при просмотре фильма. Это был самый болезненный для меня вечер и самый решающий. И моя кожа покрывается мурашками, когда я уплываю в воспоминание, которое мечтала бы запереть подальше в сознании.

Я захожу в ненавистную квартиру, которая раньше была мне домом. Нам всем домом. Кто бы мог подумать, что мне будет так страшно. Поджилки трясутся, а сердце прерывисто трепещет, как птица; ноги сами собой заплетаются, словно норвежат лишний раз устроить шум. Я должна быть аккуратной.

Разувившись, я мягко ступаю по линолеуму, на ходу вешая шарф и куртку в шкафчик. Нырряю в свои любимые мягкие тапочки. Свою школьную сумку я повесила на ручку двери, ведущую в мою комнату.

Тихо. Подозрительно тихо.

– Мам, я пришла, – тихонько говорю я, надеясь, что отец не услышит. А если даже и услышит, я ещё надеюсь, что сегодня всё обойдётся. Откуда-то послышался звенящий звук бутылки.

Захожу на кухню и вижу, как отец в беспмятстве снова лизет пустую бутылку. Моё сердце сжалось, и меня наполнило чувство омерзения к этому существу, которого я гордо именую своим папой. Быстрым шагом подхожу к холодильнику и обнаруживаю, что там осталась только одна бутылка пива. Но вчера вечером, когда я не успела избавиться от алкоголя, в нём стояло не менее пяти-шести стеклянных банок, я точно уверена! Со звоном ставлю её на тумбочку, но отец не реагирует, он отчаянно пытается вылизать хоть еще кроху напитка из пустой бутылки. Беру ближайшую глубокую миску, набираю в неё ледяной воды и выливаю её на голову отцу. Быть может, это приведёт его в чувство? Он начинает орать, хрипя и судорожно разводя руками по сторонам:

– Какого хрена! – заходится в новом крике он. Протирая глаза от воды, он пытался разглядеть, что же произошло. Но я решила облегчить его задачу.

– Добрый день, папочка, – слащавым голосом произношу я.

Я даже не ожидала от себя, что могу так сказать. Но я могу. Собери все силы в кулак, Эмили, и попробуй его образумить, разозли его, пусть он почувствует себя на твоём месте. Чувство отвращения все выше поднималось по пищеводу.

Отец поднимает голову и видит бутылку, стоящую рядом со мной. Его глаза округляются, как если бы он увидел огромную гору драгоценностей. По его лицу со слипшихся прядей волос стекает вода, заливая глаза.

– А-а-а! – Рычит он, стараясь вновь вернуть себе ясность зрения, а затем умоляющим голосом говорит. – Эмили, детка, подай мне, пожалуйста, бутылочку.

– Эту? – Я беру в руки пиво и кручу его прямо перед носом отца.

– Да-да, дай мне её, малышка. – Отец протягивает руки, всё ещё не имея сил встать. Это меня немного позабавило, от чего я резко храбрею.

Отхожу как можно дальше от отца и делаю вид, что протягиваю бутылку. Он тянет свои ручонки к этому, по его мнению, напитку богов, а на лице у него благоговейное выражение.

Тошнота уже встала комком мне в горло. Какой же он мерзкий! Он – мой отец, с черными волосами, на которых уже виднелась проседь. Немытый, в одежде, которая вся пропиталась и пропахла блевотиной, с жутким перегаром во рту, который слышно сразу же, как входил в дом, с засаленными волосами и с глазами, полными ярости по отношению ко мне.

Я, мол, подношу бутылку алкоголя к нему всё ближе, хотя я просто её отпустила. Она ударилась об кафель и разбилась вдребезги. Волна прохладного напитка залила мои тапки, к ногам приплыли и стеклянные осколки. Какая жалость.

– Ой, – наигранно произношу я, не сумев сдержать нотки сарказма в голосе, что, скорее всего, заметил отец.

– Ах ты, мерзкая дрянь! – кричит он и старается подняться с пола на шатающихся ногах.

В этот момент я слышу, как захлопывается входная дверь, в квартиру вбегают мать и говорит мне что-то, мол, что я сделала, подбегает к отцу. Она тоже меня ненавидит. Это понятно по взгляду, что мама бросает на меня: очередное «Во всех бедах виновата только ты». Но разве я виновата, что осталась жива? Хотя да, думаю, виновата. Если бы я ушла вместе с ним, то ничего, что случилось после, не произошло бы. И я бы не терпела всё это.

Весь плюс последних месяцев, что мама потихоньку, но начала приходить в себя. Она стала выходить из дома, стала разговаривать и что-то делать, а не замыкаться в себе и плевать на все с высокой башни. Хотя ей всё ещё всё равно на меня, она меня игнорирует и совершенно не замечает – только если в критических ситуациях, как сейчас, например.

– Филлип! – Кричит мама, пытаюсь уговорить отца. Она встает перед ним, обнимая за плечи и трясая его. – Зачем ты его злишь? – обращается она ко мне.

– А затем, что не ему одному плохо! – Выкрикиваю. – Мы еле-еле сводим концы с концами, а он тратит все заработанные нами деньги на выпивку! – Плююсь я словами. – А ты, ты ему всё позволяешь!

– Он просто не может пережить это, – говорит мне мама. И снова этот укоризненный взгляд. А я могу пережить это? Вы все думаете о себе, а как же я! В отличие от всех я была там, когда всё произошло!

Отец отшвыривает её подальше, но несильно, – копит силы на меня – и идет ко мне. Ну вот, снова началось. Он весь покраснел, глаза стали кровавого цвета – лопнули капилляры, в них виднелся тот самый огонёк безумия, что пугал меня все эти годы. Но сейчас я не боюсь. Если он меня прикончит, то пусть так. Я не хочу жить в мире, полном боли.

– Это ты, ты во всем виновата, тупая девчонка! – Из рта у него течет слюна, которая летит в стороны, когда отец что-то говорит. Он в ярости.

– Да-а! Я виновата. Я виновата в том, что я – девчонка. Я виновата в том, что была с ним тогда. Виновата в его смерти. Виновата в том, что я – не Том. Ты это хотел сказать, папочка? – Заливаясь слезами ярости, кричу на него. В моей груди всё разрывается от боли. Если бы была возможность, то отец предпочел бы ещё одной дочери второго сына. Если бы можно было, он бы поменял местами меня и Тома, а я бы была не против – уж лучше, чем видеть, как отец, который раньше любил тебя, превращается в монстра, жаждущего твоей смерти.

– И ты виновата в том, что вместо тебя умер мой сын, – произнес отец.

На меня накатило отчаяние. Боль. Она накрыла меня с головой. Из глаз покатились слезы. Такого я не ожидала. Я думала, что он вновь скажет, что я виновата в аварии, что я не такая идеальная, как мой старший брат, и не такая умная, что да, возможно, это я виновата в смерти Томаса. Но я даже не подозревала о том, что он думал, что это я изначально должна была умереть.

– Знаешь что... – начинаю я. И скрепя сердце произношу вторую часть своих мыслей: – Ты мне больше не отец.

– Что ты сказала? – Он схватил меня за руку и затряс, оплевывая. – Повтори, что ты сказала! – Требовал.

– Филлип, отпусти её! – Мама подбежала и попыталась высвободить меня из его рук. Но отец одним движением руки отправляет её в противоположный угол, мама стучается спиной об стенку и падает на пол.

Зачем она это сделала, ведь ей абсолютно плевать на меня?

– Повтори! – Заорал вновь отец и ещё сильнее встряхнул меня.

– Иди к чёрту! – Выпаливаю я, не намеренная повторять те ужасные слова.

А затем я слышу, как его ругань оглушает меня. Его крики, наверное, слышал весь холл, а может, и несколько этажей сразу. Он хватает меня за плечи и со всей силы ударяет головой об стену. В груди всё жжёт от вспыхнувшей боли – это всемирная любовь к отцу, которая сгорает сейчас вместе со мной. В ушах звенит, а затем наступает тишина. И, кроме стекающей горячей крови по подбородку, я ничего не чувствую.

– Идите к чёрту, – говорю я, думая о словах из воспоминания.

Меня бьет незаметная никому дрожь: руки легонько трясутся, и я сжимаю кулаки – на внешней стороне ладони видна выделявшаяся на коже венка. Чувствую, как на лбу выступили капельки пота. Воспоминания – это всегда тяжёлое бремя. Лёгким касанием ладони я вытираю пот со лба и скрещиваю руки.

– Эмили, твой отец – алкоголик, – произносит Роуз Эверглоу.

– Вот же удивили, – бурчу я.

Да, он алкоголик. Да, он ужасен и омерзителен сейчас, он безумно жесток, и он ненавидит меня. Но это всё из-за алкоголя. Если бы я могла сделать так, чтобы он перестал пить, но это не в моих силах – родители видят во мне только лишь причину их несчастий.

– Нет, я имею в виду, что есть куча свидетелей, способных нам помочь. Не думаешь же ты, что, проведя целый год с бутылкой и избивая вас с матерью, не будет заметна эта перемена в ваших отношениях? – Она приподняла брови, и создалось ощущение, словно она думает, что умнее всех на свете.

– О чем вообще идет речь? – Я не понимаю, что хочет от меня это женщина.

– Я предлагаю лишить твоего отца родительских прав, ведь это он виноват в твоей травме? – Интонация в её голосе была больше похожа на утверждение, чем на вопрос. Она хочет вынудить признаться, чего я никогда не сделаю.

– Нет, я упала. – Сказала, как отрезала.

Возможно, я покажусь чересчур наивной, но я верю, что мой отец станет прежним. И мы снова будем той счастливой семьей, что ели по утрам оладьи с яблоком, которые постоянно у меня подгорали. Все вместе будем сидеть перед телевизором, и смотреть какую-нибудь комедию или «Титаник», и плакать под конец. Но разве верить в лучший конец – это плохо?

– Эмили, не делай ошибок, – настаивала Роуз.

– Он поправится. Ему нужно всего лишь перестать пить, – произношу я то, о чем думала.

– Ты разочаровываешь меня, девочка...

Женщина привстает и стряхивает с себя какую-то невидимую пыль, проводит руками по стрелкам брюк и заправляет за уши свои локоны.

– Вы можете идти. – Злобно говорю я, сжимая кулаки так, что аж костяшки побелели.

– Эмили, ты же знаешь, никто не вылечит его душевную травму. – Говорит она, шагая по направлению к двери. В ушах лишь звон и стук моего сердца, а еще «Цок-цок» туфель Роуз. И это меня раздражает.

– Прошу вас уйти. – Не понимаю, как её кто-то может терпеть? Она же назойливая, упрямая и чересчур вся такая правильная! Аж мерзко.

– До встречи, Эмили, – проговаривает инспектор. Она приоткрыла дверь, и я бросаю ей в след:

– До свидания, надеюсь, оно будет не скоро. – Но было поздно. Дверь захлопнулась прежде, чем я договорила всю фразу.

Я все еще смотрю на дверь, и кровь во мне вскипает. Мне кажется, что ничего хуже уже быть не может. Почему я не умерла? От этого всем жилось только лучше бы. За моё недельное пребывание здесь меня никто ни разу не навестил, ну, кроме Лондон, конечно же. Моя сестра сейчас учится, и ей вовсе нет дела до кого-нибудь. Я готова поспорить, что она, как и все, просто пытается сбежать от боли таким способом. Папа сейчас, скорее всего, в отрезвителе, а мама или вновь впала в уныние, или находится рядом с отцом, не отходя от него ни на дюйм, ведь он ей так дорог. А что на счет меня? Ничего. Ведь я – никто.

После того, как меня выписали, я осталась дома одна. Мама, правда, была с отцом – я не ошиблась в догадках. Я помню приятное ощущение своей постели, свежих, хрустящих простыней, своей одежды, пола с подогревом на кухне и горячего чая. Но мне было так одиноко. Никогда бы не подумала, что находясь в блаженном спокойствии без ругани и драк, я смогу скучать по кому-нибудь. Ведь я их так ненавижу. Ненавижу всем нутром за их поступки.

Я никому не говорила, как чувствую себя на самом деле: несколько раз падала в обморок, потому что темнело в глазах. И, несмотря на советы врача «Стараться не ударяться головой и обращаться к нему при ухудшении самочувствия», я все также посещала школу, работу и падала где-нибудь в обморок, ударяясь головой.

Кто-то говорил мне, что это, возможно, из-за голода, ведь я, действительно, ем раз в три дня. Но я бы отдала все на свете, лишь бы не возвращаться в стационар. Лучше уж жить так, чем вновь очутиться в месте, где все пропахло хлоркой, формалином и лекарствами, где все невыносимо вежливо к тебе и многое является ложью. Хотя всё в нашем мире – это ложь.

А затем мать с отцом вернулись. Не прошло и трёх суток, как папа снова взялся за бутылки. И всё на круги своя: крики, ругань, словно ничего и не было, словно это не он чуть не проломил мне череп.

И это стало последней каплей. Мои наивные розовый очки, которые мечтали о светлой жизни с любящими родителями, спали, и я начала видеть мир в тех тонах, которые он заслуживает.

– Ты неблагодарная дочь! – Кричал отец и замахивался ремнем.

«Я хочу умереть», – неуверенно шепчу я себе.

– Ты во все виновата! – Со всей силы я вписываюсь в стенку, и что-то хрустнуло у меня в спине. Надеюсь, это не позвоночник.

Я хочу умереть. Уже более уверенно было сказано мною.

– Том и Кристи, вот мои дети, а ты – ошибка природы! – Папа повторял это сотню раз, и каждый раз было больно, как в первый. В груди глухо отдается удар невидимым ножом-словом.

Я хочу умереть. Да, я готова.

– Уж лучше бы ты умерла. – Слезы льются у меня из глаз. Я осознала, точно осознала.

Я хочу умереть!

Я не помню, кто предложил эту идею. Помню лишь, когда одноклассники спросили, кто хочет в субботу вечером покататься на байках, я подскочила первая. И теперь, сжимая руль блестящего, новенького байка, я лишь жалела о том, что кому-то придется за его ремонт пла-

тять. Мне показали, где тормоз, газ, сцепление – всё, что нужно для адекватного вождения мотоцикла. Но я даже не слушала. Когда ребята рванули, я стартовала последняя. Может, оно к лучшему? Набирая скорость, я понимала, как это чертовски круто, иметь свой байк! Ты можешь уехать в другой город, штат, страну, и лишь ветер будет тебе другом! Да, именно ветер. Это он бьет тебе в лицо, когда ты несешься со скоростью под сотню километров в час, он ласкает тебя и нежно развеивает волосы. Он говорит тебе о свободе.

На удивление мне не страшно, словно я уже заранее знаю, что там, куда я отправлюсь, не будет боли. Там будет тишина и спокойствие, а это лучше, чем видеть изо дня в день терпеть такое отношение со стороны близких тебе людей.

Та женщина, Роуз, приставила ко мне мозгоправа, чтобы я болтала с ним о том, о сём. Хотя, конечно, я знала, что это ещё один способ выудить из меня информацию. Я помню разговор с психологом, она говорила, что для того, чтобы облегчить свою душу, я должна написать на листе бумаги, кто я есть на самом деле. Я не должна забывать истинную себя, как и не должна отрицать осуществимые мечты. Я ей благодарна за это.

Итак. Меня зовут Эмили Беннет, мне шестнадцать лет. И я жажду умереть, потому что и отец, и мать меня ненавидят. В их взглядах я вижу презрение к себе. Они считают меня виноватой в смерти старшего брата, даже если и прошло уже два года. Я ненавижу их за это. Ненавижу за их поступки. Ненавижу их за такое отношение ко мне. Хотя и бесконечно сильно люблю тех родителей, что остались у меня в чертогах памяти, когда мы улыбались друг другу, ели завтрак на ужин и смотрели допоздна различные телепередачи, а после я забиралась в их кровать, где слушала различные сказки, но никогда не доходила до конца, потому что тут же засыпала. А старшая сестра, которая приезжает к нам не чаще чем два раза в пару месяцев, просто ничего не замечает. Я не знаю, что она чувствует за сотни километров от меня, но мне кажется, что это её способ справиться с горем. Она просто сбежала. И... мне надоело. Я устала. Устала тянуть постоянно на себе разваливающуюся семью, устала стараться учиться на отлично, чтобы хоть чем-нибудь походить на идеальную старшую сестру и старшего брата. Устала терпеть побои, скандалы, унижения в свой адрес. Устала жить, не живя, ведь то, как проходили дни мои, нельзя назвать жизнью, а скорее, проживанием. Я хочу лишь покоя. Ненавижу такую жизнь. И ненавижу саму себя. Я надеюсь, что моя смерть принесет хоть какое-то облегчение моим родителям. Ведь сколько проблем сойдет с их плеч, если меня не станет.

Я отпускаю руль и развожу руки в сторону. Ветер чуть ли не сносит меня, но мне плевать. Мотоцикл начинает вилять по сторонам.

– Я хочу умереть! – Кричу что есть силы.

Том сидит рядом со мной в машине, он улыбается мне, мы болтаем. Я опираюсь руками на сидение водителя и что-то ему рассказываю. Брат поворачивается ко мне и шутит по этому поводу. Его улыбка радует меня как никогда раньше.

– Я хочу умереть! – Слезы стекают по моим щекам, душа болит и съеживается в комок от острого удара по больному.

Том не видит надвигающийся грузовик. Он все еще что-то мне говорит, не сводя глаз с моего лица, ожидая моей реакции. Но я вижу надвигающуюся опасность, сердце бешено колотится, меня всю наполняет страх. И я кричу о грузовике брату.

– Я хочу умереть! – Прощаюсь с жизнью. Мне не страшно. Мне не страшно. Не страшно.

Он пытается развернуть машину, сойти с дороги, поворачивает в сторону. Меня откидывает назад, и я ударяюсь головой обо что-то довольно острое. Весь мир заплесал разноцветными пятнами.

– Я иду к тебе, Томми... – Шепчу.

Но удар встречает лбы двух машин.

И я врезаюсь на скорости в сто двадцать в дерево.

Два

Кристи

Я сидела за конспектами по истории и пыталась выучить все даты, связанные с войной севера и юга. В голове все мысли перемешивались, потому что я очень устала. Встав из-за стола и выключив приглушенный свет лампы, я старалась не шуметь, дабы не разбудить соседку по комнате. Чтобы налить себе кофе, пришлось спускаться на первый этаж общежития, где у нас находится кафетерий; каждое утро сюда приходит работник столовой и готовит что-нибудь нам на завтрак. Как оказалось, не я одна являюсь полуночной совой, уже заранее готовящейся к предстоящим контрольным. На электронных часах высвечивалось «00:28».

Жизнь шла своим чередом: год за годом, день за днём. Я уже на втором курсе в университете, хотя кто бы мог об этом подумать? Казалось, что только вчера я была первокурсницей.

– Привет, – сонно проговорила Афелия, отодвигая свои тетрадки в сторону, чтобы я могла сесть рядом с ней и положить свои учебные предметы тоже. – Снова допоздна не спим?

– Привет. – Я поставила на стол свою кружку с кофе и открыла тетрадки. Голова ужасно болела, и я потеряла виски. – Да, снова.

Афелия наклонила голову, уткнувшись в свои тетради, и её профиль так сильно напомнил мне профиль моей сестры, Эмили, что сердце с болью сжалось. На минутку мне показалось, словно у меня ужасное ощущение, дежавю: плохое предчувствие охватило меня всю. Так уже было, когда сестрица попала в аварию с братом. Допив своё кофе, небольшой прилив сил настиг меня, и я решила еще что-нибудь подучить, но сконцентрироваться в месте, где полно народу, мне не удавалось. Поэтому я встала и направилась к себе в комнату.

Спотыкаясь во тьме, искала кнопку, включающую лампу, что удавалось мне не очень хорошо. Я даже начала немного нервничать по этому поводу. А затем послышался шорох за моей спиной и сонный голос соседки:

– Лови. – Она швырнула мне мой телефон. – Пока тебя не было, он достал меня своим жужжанием.

Я сразу же стала просматривать последние вызовы, но номер был мне не знаком. Да и кому придет в голову звонить человеку в полпервого-ночи, вдруг он спит? Скептически настроено, я засунула мобильник в карман джинсов и вновь села за зубрежку, но через несколько минут телефон опять зажужжал.

– Алло? – спросила я, выйдя в коридор.

– Здравствуйте, это Кристи Беннет, сестра Эмили Беннет? – поинтересовался женский голос.

– Да, а что случилось?

– С вашей сестрой случилось несчастье. Уже как двадцать минут она находится в операционной, и ей пытаются сохранить жизнь. В своей картотеке она указала ваш номер, если что-то случится.

Моё сердце бешено забилося, а всю меня затрясло так сильно, как никогда раньше. Из-за того, что колени подогнулись, я чуть не упала, но устояла на ногах благодаря тому, что оперлась об стенку. Я быстро бросила что-то вроде «Уже выезжаю» и громко захлопнула дверь в свою комнату.

– Ты чего? – испугалась шуму моя соседка. Я запихивала свои вещи в сумку, собирая всё самое необходимое для дороги. Пересчитав, сколько у меня осталось денег в кошельке, поняла, что моё положение очень плохое.

– Можешь одолжить мне пару сотен? Я тебе верну, – спросила я у неё.

- Извини, только сотня.
- Сойдет. – Взяла деньги из рук девушки и поблагодарила её.
- А что случилось-то? – спросила она, но я уже вышла из комнаты.

Прося у всех, кто еще не спал, хотя бы пару десятков долларов, я объясняла, что совсем скоро всё это верну, просто сейчас крайняя необходимость. Так и наскребла нужную сумму на поезд. Хорошо, что я вовремя попала как раз на тот рельс, что ходит ночью, и не пришлось ждать до утра, теряя драгоценное время. Несколько часов трясучки по рельсам и буду рядом с сестрой.

Я влетаю в больницу, как ураган, и сразу же обращаюсь к регистратору.

– Эмили! – Волнуюсь, кричу я. – Эмили Беннет! Где она?

– Подождите минуточку. – Девушка ровно отвечает мне. Она меня раздражает. Её чрезмерное спокойствие ужасно меня бесит.

– У меня нет ни гребанной секунды! – Выкрикиваю я и ударяю кулаком по стойке, девушка за ней смотрит на всё также спокойно, наверное, привыкла к подобным картинам. – Эмили Беннет. – Повторяю, но уже спокойнее. Стараюсь держать себя в руках. – Она попала в аварию.

– Да, вижу, – отвечает регистратор, смотря списки пациентов в компьютере. – Она в операционной, это прямо и налево.

Я напрямик бросаюсь туда, не успев услышать, что же ещё произнесла девушка. Пол скользкий, отчего я постоянно поскользываюсь, но я не могу позволить себе упасть. Перед дверью в операционную стоит санитар, видимо, дежурит.

– Простите, мэм, вам туда нельзя. – Останавливает он меня, видя, что я собираюсь броситься прямо в помещение.

– Мне можно! – грубо произношу.

– Нет, вход запрещен для всех, пока не закончится операция.

Боги, сколько же она уже длится, если я в дороге была почти четыре часа! Неужели? Нет, нет, нет. Даже не думай об этом, с ней всё в порядке, с ней обязательно всё будет в порядке!

– Иди на хрен! – Выругалась я. – Там моя сестра! Мне нужно срочно её увидеть!

Я кидаюсь вперед, надеясь отпихнуть санитаря куда-нибудь в сторону и забежать вовнутрь, увидеть её лицо, взять за руку и убедиться, что её сердце еще бьётся, но работник больницы хватает меня за плечи и трясёт.

– Успокойтесь, – говорит он. – Придите в себя. Присядьте.

Я попятилась, ища руками сидения. Села. Голова сама по себе упала на колени, после того, как я наклонилась. Я почувствовала, как жизнь потихоньку уходит из меня.

– Вот так. Успокойтесь, – продолжал санитар. Он похлопал меня по плечу. – Эй, Ник, стань пока мне на замену.

Я замечаю, что меня всю трясёт. Слезы произвольно льются из глаз, не могу их контролировать. Вижу сквозь жалюзи бледное лицо Эм, наполовину скрытое маской. И новая волна паники накрывает меня. Моя маленькая сестрёнка, как я тебя не уберегла!

– Эй, может быть вам принести что-нибудь? Чай? Кофе? – Я киваю.

– Кофе, – еле выдавливаю из себя.

Только сейчас я поняла, как же слаба. Я нервно кусаю губы, затем начинаю грызть ногти, заламываю руки. В моих вдохах слышится истерика. Почему же время идёт так медленно? Шаркаю ногами в не себя от горя. Затем санитар приносит мне кофе, обжигающий, пахучий.

– Осторожно. Горячий, – говорит он.

Но я будто не слышу. Заливаю кипятком себе в глотку, а затем нервно откашливаюсь. Горло обжёг горячий терпкий напиток с легким привкусом карамели. Жидкость пошла

по глотке вниз, к желудку, который тоже через секунду вспыхнул от обжигающего напитка. Но эта боль – ничто по сравнению с душевной болью, которая исцарапывает всё моё нутро.

– Говорю же, осторожно.

Я не знаю, сколько длилась операция. Очень долго. От нетерпенья я ходила туда-сюда мимо операционной, мозолила глаза уставшим санитарам, работающим в ночную смену; нервно отстукивала ногами какую-то мелодию, а затем напевала её. Вскоре я устала и заснула прямо на сидениях. Когда все закончилось, меня разбудил тот самый санитар, а рядом с ним стоял доктор.

– Кем вам приходится Эмили Беннет? – спросил доктор.

– Я... – Немного замялась, находясь в полусонном обморочном состоянии. – Я сестра.

– Пройдемте со мной. – И доктор пошел вдоль коридора.

Я соскочила со стульев и бросилась вслед доктору. Ноги от таких неожиданных движений не слушались, они немного затекли от неудобного положения, в котором я уснула. Посмотрела на бэйджик, висящий на груди мужчины, и обратилась к нему:

– Доктор Фитч, не томите, – начала я.

– У вашей сестры сломаны почти все ребра, хотя хорошо, что это больше было похоже на трещины. Не волнуйтесь, важные органы не задеты. – Я выдохнула. Хоть какое-то облегчение. – У неё раздроблена коленная чашечка, сломана нога и рука. – Он вздохнул и поправил на носу очки. Выглядел он очень усталым. – Было вывихнуто плечо. – Он замолк.

Я чувствую, как его слова повергают меня в шок. Почти всё, что можно было, она в себе разрушила. Но... ведь Эмили жива. Она жива! А кости-то заживут.

– У неё было обширное внутреннее кровотечение, с которым мы не сразу справились, произошел разрыв селезенки, и нам пришлось её удалить. Всё остальное в относительном порядке. – Доктор снова вздохнул. Никогда не видела, чтобы врачи так волновались за своих пациентов.

– Она ведь будет в порядке, да? Кости ведь можно восстановить, срастить. – Волнение было слышно в моём тоне.

– В целом, да. Но у неё еще одна черепно-мозговая травма. Я не уверен, что все будет в порядке. Пока она не очнется, не могу судить в полной мере.

– А когда она очнется? – Я прижала руки к груди, как если бы скрестила пальцы. Сейчас всё решится, вся моя будущая судьба.

– Не могу сказать. – Ещё один вздох. – Когда её привезли, она была в сознании. Знаете, я даже удивился, обычно после такого люди сразу же впадают в кому, но не она. Ваша сестра – настоящий боец.

– Но она ведь очнется, да?

– Я не знаю. Прошу простить.

И доктор Фитч ускорил шаг, а затем скрылся за поворотом, а я так и осталась стоять посередине коридора. Она может впасть в глубокую кому и больше не очнуться. И я потеряю еще одного близкого мне человека. Я не выдержу, на этот раз точно. Если смерть Тома я пережила благодаря учебе, то даже она не сможет помочь мне смириться со смертью младшей сестры. Струны моей душевной организации натягиваются так сильно, что я чувствую, как скулит моя душа. Дрожу. Еще мгновение, и что-то внутри рвется, освобождая всю боль и гнев наружу.

Я понимаю, что могу потерять еще одного близкого человека. И я обвиняю во всем отца, мать. Знаю, это они во всём виноваты, никто другой! Когда я приезжала домой, то видела, как им трудно приходится надевать на себя маски безразличия, хоть я и понимала, что Эмили приходится труднее, я вновь и вновь оставляла её. Я тоже виновата в этом. Но родители должны были быть внимательнее, а не закрываться в собственной боли, ведь они намного чаще бывают с ней рядом.

Я заявляюсь домой и начинаю громогласную тираду по поводу безответственности родителей. Выплескиваю на них всё, что я них думаю, кричу о том, что случилось с Эмили. На лице матери появилось какое-то беспокойное выражение, но отцу хоть бы хны. Он, заикаясь, начинает разглагольствовать о том, как я смею повышать голос на старших. А я, выругавшись, заявляю, что сама справлюсь со всеми проблемами. Когда сестра очнется, мы будем сами по себе.

Но, даже понимая, что такого расклада может и не быть, не говорю об этом не слова. Пусть они думают, что всё будет хорошо. Мне больно. Я мысленно кричу на Эмили из-за того, что с ней произошло.

Я взяла студенческий отпуск, чтобы побыть вместе с сестрой. Нет, это не значит, что я бросила учебу, а просто сделала небольшую паузу в обучении. Когда я буду готова, с легкостью смогу продолжить с того места, где остановилась. Не знаю, сколько недель я провела, буквально не покидая стены больниц, но Эмили выздоравливает.

Мне пришлось предупредить квартирантов, что жили в доме бабушки, чтобы они готовились искать себе новое жилье. Неизвестно когда, но Эмили полностью оправится, и нам придется поселиться там вместе, ведь с родителями мы теперь-то точно жить не будем. Взяв деньги с квартирантов на месяц вперед и распродав много разных вещей, я насобираала приличную сумму на лечение сестры и на дальнейшее её содержание. А жила я в доме бабушки тоже, ведь там всегда были свободны пару комнат, которые я не решалась сдавать на пользование или же мне не хотелось. Рассчитавшись со всеми своими долгами в университете и собрав вещи из общежития, попрощавшись там со всеми одногруппниками, которые стали мне родными, я переехала в город, от которого так старалась сбежать. Просто я никогда не любила это наше скромное захолустье.

Когда Эмили очнулась, я была первой, кто её увидел, подбежала к ней, целуя и зажимая её руку. А слезы так и хлынули из моих глаз, потому что на мою душу легло облегчение. Она очнулась, а остальное, самое страшное, уже позади.

– Зачем? Зачем? – вымаливала ответ я.

Очевидцы уже рассказали, что она неслась на невероятной скорости и перед тем, как врезаться в дерево, она сделала что-то вроде предсмертной записки: кричала, что есть мочи, как она хочет умереть. Налицо вывод: преднамеренный суицид. Я помню лицо Роуз, инспектора по делу Эмили, она говорила, что старалась ей помочь. Но мне все равно. Она жива.

Эмили лишь посмотрела на меня, скривившись, и из её глаз полились слезы.

– Как ты могла забыть про меня? Что, если бы ты оставила меня? – Я рыдаю.

Эмили тяжело вздохнула и кое-как выдавила из себя писклявое «Прости». Но мне и этого было достаточно.

И вот я снова стою перед кабинетом, в котором обследуют сестру. Хочется зайти к ней, но доктор сказал мне ждать здесь, они ведь проходят обследование. И вновь я от волнения начинаю делать бесполезные вещи, лишь бы поскорее скоротать время и узнать, что же от меня хотел доктор Фитч. Затем я вижу, как санитары вывозят каталку с моей сестрой обратно в палату. Эмили увидела меня и помахала живой рукой.

– Вот вы где, – произносит за спиной доктор. Я пугаюсь от неожиданности и подсакиваю, резко оборачиваюсь к нему.

– Да, я здесь. – Кивнула. – Так что, доктор Фитч, как обследование? – Снова волнение, как у девочки, впервые влюбившейся.

– Пройдемте в мой кабинет. – Поникнув, сказал он.

У меня предчувствие. Это что-то плохое. Сложив руки на груди и немного насупившись от испуга, я следую за ним до самого кабинета. Доктор предлагает мне выпить, но я отказываюсь и по просьбе сажусь в кресло. Звенят стаканы, и он выуживает из шкафчика виски, наливает себе немного и отхлебывает разом напиток. Вероятно, для храбрости. От этого мне становится еще больше не по себе. Что может заставить врача пить в рабочее время, если ни какие-нибудь тяжелые вести?

Доктор Фитч начинает мне рассказывать про какое-то неконтролируемое деление клеток, про метастазы, клеточную атипию, но я не могу понять, к чему все это. Говорит, что такое ремиссия и что это еще не означает полное выздоровление для организма, что болезнь может вернуться через какой-то промежуток времени. Он перечисляет все возможные симптомы и очаги.

– Эмили много раз падала, – говорит Фитч. – Она сама призналась. Это могло вызвать толчок. Никогда не знаешь, что будет после таких травм, как и не знаешь, что может послужить причиной.

Подскочив, я стою в оцепенении, до меня не сразу доходят его слова, но, кажется, я начинаю понимать. Всё моё тело напряжено, руки покрылись гусиной кожей, и все волоски встали дыбом. Ещё чуть-чуть, одно слово, подтверждающее мои догадки, и я сорвусь.

– Стойте, вы имеете в виду... – Выдаю я.

– Да. – Фитч вздыхает и поправляет очки на носу. Снова наливает себе выпить. Когда бутылка стучается о стол, я подхватываю её и наливаю виски во второй стакан, стоящий рядом. Со всей дури вливаю в себя горький, невыносимый и обжигающий нутро алкоголь. Доктор, видя, что я готова это услышать, произносит: – У Эмили опухоль головного мозга. Сожалею, но ей недолго осталось.

Эмили

Уже четыре месяца я лежу в больнице из-за своей чертовой ошибки. Значит, это знак. Я не должна умирать. Я потягиваюсь на кровати настолько, насколько это возможно в моем нынешнем положении, но все равно от движения у меня в костях начинается неприятная, тягучая, ноющая боль, а где-то внутри, в животе, что-то остро закололо, и я всхлипнула. Доктор сказал, что это побочные эффекты операций, но скоро они пройдут. Наверное, я уже никогда не стану прежней.

Чёрт бы меня побрал! Зачем я это сделала? Почему в тот момент я думала лишь о себе, о том, как легче сделаю для себя, но не для других! Мне казалось, мне, действительно, казалось, что, если я умру, это облегчит всем жизнь. Но, как видно, это не так.

Да, мама и папа... Им все равно. Родителям даже не сообщили, что со мной случилось, потому что я ещё давно указала в своём бланке телефон сестры в случае критических ситуаций. Да и не думаю, что Роуз позволила бы им повидаться со мной, ведь она считает, что это они виноваты во всем.

Но Кристи! Как я могла подумать, что сестра сбежала от нас, что она оставила меня и забыла про меня?! Это ужасно эгоистично с моей стороны! И она по первому звонку прибежала ко мне, даже увидев меня в таком ужасном состоянии и узнав, что со мной случилось. Вопреки всему она меня любит.

Я забыла и о единственной верной мне подруге, Лондон. Когда я пришла в себя, первые её слова были «Ты что, сдурела, а? Да как ты могла! А ты подумала, что будет со мной, если бы ты умерла?». И эти её слова так пристыдили меня. На самом деле я думала, что Лондон еще

та штучка, что ей не знакомы чувства страха и боли. Да, она эгоистка и побольше меня, но мы дорожили друг другом с самой средней школы.

Коленка ужасно болит, словно кто-то бьёт по ней молотком. Если бы не обезболивающее, то боль была бы намного сильнее и невыносимее. Интересно, сколько коленка еще будет срастаться? И срастется ли она вообще? Рука-то уже. Про ребра вообще молчу. Первое время я совсем не могла двигаться, потому что была в плотном бинте, который сдавливал мои ребра, чтобы они правильно срослись. Повезло, что они почти все просто немного надломились, и не было никаких смещений, иначе острые края могли бы задеть какие-нибудь важные органы. Да я вообще везунчик! Пошевелив двумя здоровыми руками, чтобы убедиться, что с ними все, правда, в порядке, я услышала стук в дверь.

– Привет, Эмз, – грустно произнесла Кристи, выглянув из-за двери, и затем зашла в палату.

Она проговорила всего два слова, а сколько боли я услышала в её голосе. Под глазами у сестры залегли глубокие синяки, и немного засаленные волнистые волосы были собраны в небрежный хвост. На лице хорошо выделялись морщинки, скорее всего, из-за усталости и волнения, ведь ей всего-ничего двадцать лет.

– Привет, Крис, – поприветствовала я её.

Последний месяц Кристи ведет себя странно, словно она меня винит или словно ей меня жаль. Даже не знаю, что выбрать. Складывается ощущение, что она что-то не хочет мне говорить, а может, она таит в себе обиду на меня из-за моего проступка. Сестра избегает длинных встреч со мной и каких-нибудь расспросов, отсылаясь, что она очень спешит.

– Ну, ты как? Все хорошо? – спрашивает она.

Картонные пакеты с шумом плюхаются на пол. Наверное, там фрукты или очередное детское питание. Мне сейчас почти что нельзя ничего твердого кушать: только пюрешки и каши, соки или фрукты, которые сразу же перевариваются в желудке и не напрягают мой организм. Из-за такого питания я похудела еще больше, чем была раньше.

– Тело затекло и ноет. – Я пошевелила пальчиками на ногах, мол, это невыносимо терпеть. – А так... неплохо. – Я пожала плечами. – Хорошие врачи попались. Они спасают меня, как могут.

Кристи кивнула, а затем потерла свои плечи руками. Я знаю этот жест, люди так делают, когда им холодно или когда они хотят сказать что-то важное, но не решаются. Решив не доставать её разными расспросами, я просто ждала, пока сестра соберется с мыслями.

– Эм... – Она потупила взгляд, а голос её дрогнул, как струна на скрипке, когда по ней музыкант проводит смычком.

– Кристи, ты чего? – Сестра заплакала и сразу же начала краем кофты стирать льющиеся из глаз слёзы. Это меня ужасно насторожило. – Кристи? – переспросила я.

– Прости, что раньше тебе не сообщила. – Она посмотрела на меня, и по её взгляду можно было понять, что она борется сама с собой. Говорить или нет? Но раз она начала, то обязательно должна продолжить.

– Что? – недоумевая, спрашиваю её.

– Твои головные травмы. – Вздох. – Они...

И сестра отвернулась. Она достала из кармана платок и высморкалась, а затем нервно стала стучать пальчиками по пластиковому подоконнику, смотря в окно на птиц, пролетающих рядом.

– Что с моей головой? – Я наконец понимаю, что она хочет сказать. Точнее я догадываюсь, что это связано с этим.

Молчание. Напряженная тишина в палате, и между нами двоими словно пробегает ток. Но затем сестра на одном дыхании протараторила следующее:

– В твоей голове развивается глиобластома. И довольно быстро. Врачи говорят, что они бессильны, она неоперабельная, а химиотерапия или лучевая терапия здесь не помощники.

– Что? – Её слова повергают меня в шок. Секунда, и в окно врзается птичка, а я вздрагиваю от громкого «Бум!». Кристи удивленно отскакивает от окна, а затем снова встает на прежнее место. Она не хочет видеть моего лица и то, как я это восприму после всего. Я выжила, чтобы вновь погибнуть.

– У тебя опухоль головного мозга, Эм. Рак. – Проговаривает она.

И тут груз её слов доходит до меня.

«Ну что, ты все еще хочешь умереть?» – говорит внутренний голос.

Часть вторая «Надежда»

Три

Кристи раскрывает жалюзи, чтобы солнечный свет проникал в палату. Я укутываюсь покрывалом. За последнее время темнота мне понравилась. Я хочу провести всю жизнь под одеялом. Осталось недолго.

Мне так обидно и грустно, что я такая дура. Я играла с судьбой, и она ответила мне той же монетой, решив предварительно помучить. Сколько раз я уже выживала, и даже сейчас... я осталась в живых. Но мне предстоит умереть.

Раз в день меня заставляют посещать психолога. Один на один, чтобы я могла рассказать все свои страхи, чувства и эмоции. Но из эмоций у меня есть только слезы и глубокая обида на себя. Я себя ненавижу. Психолог, следя за моим состоянием на протяжении месяца, пришла к заключению, что я вполне вменяемая, а моя попытка самоубийства, скорее всего, была глупостью под давлением обстоятельств.

И даже после этого заключения, которое требовалось врачам, я все равно продолжила её посещать, хотя уже и могла прекратить. По крайней мере, только у неё я могу беспричинно рыдать, глядя на маятник, стоящий у неё на столе, который по идее должен успокаивать пациента, хотя я и еще больше впадаю в отчаяние, когда гляжу на него. Действие маятника бесконечно, но я не вечна. Конечно же, никто не вечен по своей сути, зато у них впереди взросление, старость и смерть. А у меня только смерть.

Теперь вечные мои друзья – это таблетки от тошноты и мигрени. Хотя даже они иногда не помогают головной боли не появляться вовсе, за все месяцы, что я здесь нахожусь, у меня было два приступа, один из которых длился почти три дня.

– Эмз. – Я чувствую, как сестра присела на край койки, и та скрипнула. Ужасный противный звук, действующий мне на нервы. – Ты слышала, что сказал доктор? – Она говорит более чем радостно. Больно. Не хочу жалеть себя. Сама и виновата.

Я не отвечаю. Она пытается откинуть одеяло, чтобы раскрыть меня, я только еще больше прячусь в собственном мирке, в собственном городе Эмбер, а точнее, Эмили. Здесь больше нет никого, только я, рак и тьма.

– Он сказал, что опухоль замедлила рост. Деление клеток происходит не так интенсивно.

Я стягиваю одеяло с лица, немного приоткрыв его. Сестра увидела мой взгляд, и у неё у самой глаза дрогнули. Это волнение. Конечно же, я вся опухшая и заплаканная.

– И что мне это даст? – говорю я.

– Если так и будет продолжаться, то, возможно, твой срок увеличится. – Она смотрит на меня так, словно сейчас бросится защищать от любой напасти. Ты не сможешь защитить меня от самой себя.

– Насколько увеличится? На месяц, на два? Какая в этом разница, проживу ли я еще три месяца или пять? Все одно. – Я слышу свой хриплый голос, словно я ревела, не переставая, неделю.

Сестра отпрянула и нахмурилась. А затем подняла взгляд на меня, и я увидела, что радость вновь появилась на её лице, хотя и смешанная с горечью. Кристи произнесла:

– Сделав все исследования, доктор сказал, что, возможно, год или полтора. Если она еще более замедлит рост, то есть вариант, что два года.

Полтора года. Я бы тогда смогла увидеть своё восемнадцатилетие.

– А она может совсем остановиться? Не расти больше и не ухудшать положение? – Не унимаюсь я.

Мне и не нужен был ответ. Вся радость в глазах сестры от моего увеличенного срока испарилась. Теперь там темнота. Кристи покачала головой.

– Значит, и в этом нет смысла. – Я снова спряталась под покрывало, безнадежно вдыхая воздух, чтобы организм мог жить. Мое сопение слишком громкое, пытаюсь успокоиться. Не хочу показывать сестре, что на самом деле я могу сорваться. Пусть я буду лучше безразличной, но не слабой.

Дыхание у меня прерывается, говоря о слезах, подступающих к горлу. Я не заплачу. Нет, нет, нет. Под одеялом, плотно прижатым к краям постели, – я сама его держу – становится все меньше кислорода. Делаю глубокие вдохи. Чуть-чуть приподняв с боку одеяло, чтобы впустить свежий воздух, сквозь щель я увидела лучики солнца. Вероятно, они ложились прямо на мою постель из окна, не зашторенного жалюзи.

Кто бы мог подумать, я пропустила всю весну, лежа в этой больнице. Не видела, как на улице зеленеет трава с каждым днем, как деревья зацветают, как ветер сносит лепестки молоденьких цветочков, только-только раскрывшихся бутонов. Я не чувствовала это дуновение весеннего ветерка, смешанного с запахом зеленых трав, с желтовато-оранжевой пылью, которая путешествовала вместе с ветром. Как абрикосовые и вишневые деревья зацветают одними из первых; они не напоминали мне в этом году сакуру, и их опадение не было для меня прекрасным. Как распускаются среди травы желтые одуванчики, я тоже не видела. А все из-за того, что я не могла встать с кровати. Лишь птицы, изредка пролетающие мимо моего окна, радовали меня, их радостное щебетание.

Затем я пропустила пасху и не попробовала шоколадные яйца, не увидела пасхального кролика, прошел сезон скоски травы. Тополя, которые цветут с конца мая и последующий месяц, его пух, который забивается в глаза и нос, заставляя тебя чихать. Открытие аквапарков. Первый летний дождь и промокшие ноги. Сладкую вату. Теплую водичку в реке, песок, забивающийся под ногти, детей, радостно носящихся босиком по улицам. Толпы девочек, сидящих на траве и плетущие венки из цветов, радостно что-то обсуждая. Весенне-летние брачные крики котов за окнами. Фестивали, которые проводятся в центре города в честь наступления различных сезонов. Я пропустила лето и весну, хотя, возможно, они и последние в моей жизни.

– Тебя через две недели выпишут, – говорит Кристи. И я вернулась в реальность. Душа больно сжималась, но я была спокойна. Умиротворение душит нас ледяными конечностями.

С того момента, как сестра мне всё рассказала, я считаю дни. Уже пятнадцать.

– Ребра твои срослись. На коленку поставят иммобилизационную повязку. Некоторое время тебе придется ходить с костылями, пока не наладишь работоспособность как ноги, так и коленной чашечки. Мы с тобой будем регулярно ходить на физиотерапевтические процедуры и массаж, ладно? – Она кисло улыбнулась.

– Глупо, – бурчу я. Все это мне ни к чему. Я уже собралась умирать. Терять мне и так больше нечего.

– Нет, – возразила Кристи. – Мы с тобой переедем в дом, где жила бабушка, она мне его завещала, помнишь? И ты будешь жить нормально, как будто ничего не случилось, – в её голосе теперь слышится металл. Я её разозлила.

Домик на окраине города. Рядом речка и пляж. С другой её стороны есть железная дорога, звук пронесшихся поездов особенно слышен ранним утром, словно они проходят близко-близко. И школа, из-за неё на улицах постоянно бегают дети, их крики обитают в этом месте. И, конечно же, роща, откуда доносились чудесные щебетания птиц, а зеленые деревья приятно радовали глаз. Весной там плачут березы, а из их стволов, которые полны весенними соками, можно добывать вкусный сироп; также роща полна грибов. Это чудесное место, дарящее уют и покой душе. Даже от самих воспоминаний у меня в груди все потеплело. На самом деле, переехать было бы чудесно. Но все это было так давно, что уже и не важно.

– Кажется, я потеряла интерес к жизни. – Вздохнула. Да, я помню все-все прежние её краски, но сейчас все мне видится в нерадостных цветах, как, собственно, и последние два года.

– Значит, приобретешь снова.

Мне хотелось кивнуть. Возможно, она права. Возможно, я когда-нибудь успокоюсь и буду замечать всю эту красоту вновь. Но затем я вспомнила, что уже полгода лежу в больнице и что ни разу за это время не улыбнулась, даже не засмеялась. Похоже, я совсем перестала что-нибудь чувствовать, кроме опустошенности и слез.

– Ты кому-нибудь говорила? – Она и так поймет о чем я, уточнять даже незачем.

Легкое волнение охватило меня, я не хочу, чтобы кто-то знал об этом, иначе они будут проявлять ко мне жалость.

– Еще нет, – ответила Кристи.

«Ясно», – подумала я. Это хорошо.

– Мама меня ни разу не навестила, – холодно, слишком холодно сказала я. Мне безразлично. О папе я не заикаюсь, ведь ему абсолютно все равно. Лондон, моя подруга, частенько меня навещала. Но и ей я не придавала значение. Я такая эгоистка. Все мои мысли заполнены лишь моей судьбой.

– Ну и пусть, зато я здесь. – Сестра запускает руку под мое покрывало и ищет мою ладонь. Крепко сжимает её. – И я тебя не брошу. – Сердце пронзает острая боль. Я уже в сотый раз задаюсь вопросом, как я могла подумать, что она хотела меня бросить?

– Только обещай мне, что никто не узнает. – Я дышу. Покрывало то поднимается, то опускается в такт моему дыханию. Иногда оно опускается прямо к моим губам. Теплое.

– Я обещаю, – говорит она.

Четыре

– Смотри, здесь так просторно! – говорит Кристи. Она проходит по всем комнатам и одергивает занавески, постоянно поворачиваясь и улыбаясь мне. Наверное, хотела развеселить меня или просто поднять настроение. Я вижу, как в воздухе летают пылинки, и вижу, как в пустом аквариуме отражаются лучи солнца, превращаясь в радугу. Это был бабушкин дом.

– Ага, – монотонно произношу я. В моем голосе уже давно не выражаются чувства.

Ходить с костылями довольно тяжело. Зато стоять – превосходно. На меня нахлынуло облегчение от того, что я наконец-то расслабила руки и что я могу дышать полной грудью. «Нужно привыкнуть, помнишь?» – спрашиваю я сама себя. В голове крутятся дни: двадцать девять.

Пока Кристи осматривает комнаты, я выхожу на улицу. Я всегда любила это место. Там, в конце улицы, расстирался песчаный берег реки. На дворе август. Дети, наверное, там резвятся. Рядом находится школа и парк, если его пройти, то можно сразу же оказаться на пляже. А на другом берегу реки расстилается густая березовая роща – любимое место отдыха у многих горожан.

Я заметила, какие взгляды на меня бросали прохожие. Они словно бы меня презирали. Или боялись. Это было чертовски неприятно. Я заковыляла в дом с мыслью, что больше не покину его стен.

Моя комната была на втором этаже. Пришлось приложить усилия, чтобы добраться до неё, сестра мне помогала, конечно. Но не может же она находиться рядом все время? Нужно самой учиться.

Первым делом, я плюхнулась на кровать, укутываясь простынями. Хорошо, что кости больше не болят, не считая ноги, правда. Она изредка побаливала, но чаще всего неприятно ныла. Напротив кровати стоит шкаф, а на нем висит зеркало во весь рост. Я видела огрызки своих волос, остриженные так, что казалось, будто у меня на полголовы плешь. Мне это не понравилось, выглядела я ужасно и чувствовала отвращение к себе. Я завесила зеркало покрывалом после того, как медленно слезла с кровати. А подойдя к окну, взглянула на улицу, но, не найдя там чего-либо интересного, зашторила занавески. И вновь в комнате наступила расслабляющая темнота. Не без усилий надев легкую футболку и шорты, залезла под простыню, считая секунды и ожидая, пока засну.

Тридцать один.

Пол скрепит. В комнату входит Кристи, поглаживает простыни, под которыми я лежу. Мне нравится этот её жест, нежный, добрый, ни к чему не принуждающий. Я словно бы чувствую на себе всю нежность её души. Что бы я ни говорила раньше, я очень рада, что сестра теперь со мной.

– К тебе пришли, – говорит Кристи. – Это Лорен. – И уходит.

Затем заходит подруга. Я услышала её шаги еще на лестнице: легкие и озорные, словно бы она шла чуток вприпрыжку. Эта её походка – её особая черта, сводящая с ума всех парней в округе. Лондон бросает сумку куда-то в сторону, подходит к кровати и садится на пол у изголовья.

– Привет, – проговаривает она, склонив голову. Я киваю.

Лондон смотрит на меня и не узнает. Она, подперев руками голову, рассматривает меня своим проницательным взглядом, а затем произносит:

– Твои волосы...

Я верчу головой, показывая свою стрижку.

– Ты точно не специально выбривала висок? Знаешь, это ведь сейчас мейнстрим, – шутит подруга.

Из меня выходит жалкий смешок. Настолько жалкий, что хочется еще больше смеяться от этого. И мы вместе засмеялись. Так приятно чувствовать смех. Лондон знает все ниточки, за которые нужно тянуть.

– А ты похудела, – произносит она.

Я снова киваю. Не то чтобы я была полной раньше, нет. Но сейчас я совсем худая.

– Может быть, и мне сесть на больничную диету? А то давно хочу похудеть. – Она встает и обтягивает свою футболку, как бы показывая, что ей обязательно нужно похудеть. Хотя это не так. Снова пытается пошутить. Иногда шутки у Лондон совсем неуместные и глупые.

Она замечает на комодке небольшую стопку дисков и книг, подходит и начинает рассматривать их. Вертя в руках картонные коробочки, она сначала смотрела на обложку, затем читала описание, хмуря брови. Подруга явно не понимает скрытого смысла этих дисков, а еще где-то там есть и книги. Их купила моя сестра, подумала, быть может, по примерам этих произведений я смогу найти в себе силы жить дальше.

– Что это? – спрашивает Лори.

– Кристи купила. Думает, они вселят в меня надежду. – Я пожимаю плечами, мой взгляд скачет с потолка на Лондон и обратно.

– Надежду на что? – Приподнимает брови.

Еще одна черта Лондон – это её взгляд, немного нахальный, дерзкий и сексуальный. Но когда дело заходит обо мне, то этого взгляда словно бы и нет, она сразу же становится мягкой и волнуемой. На её вопрос я так и не ответила.

– Посмотрим? – Предложила подруга, вертя в руках какой-то диск.

– Можно. – Я вновь пожалала плечами и глубоко вдохнула. Слова давались мне тяжело, потому что я все еще не отошла от недавней истерики. Пожалуй, мне нужно прекратить плакать.

Лондон прилегла рядом со мной на кровать. Сначала было ощущение, словно мы чужие друг для друга, такое вот напряжение висело в воздухе. А все из-за того, что я боюсь проговориться, боюсь причинить её боль, если она узнает о том, что я в скором времени умру. Не хочу, чтобы она страдала из-за меня.

Фильм рассказывал о девушке, больной раком. «Все ясно, – думала про себя я. Сестра не унималась». На протяжении всего фильма девушка исполняла желания, которые хотела выполнить до того, как умрет. Она нашла любовь, исполнила большинство мечт, но чем больше она принимала жизнь, тем больше желаний у неё появлялось, исполнение которых уж точно не было бы. А затем она умерла.

Хороших концов не бывает. Как и у меня.

– Хочешь кушать? – спросила Лондон, увидев моё вновь потухшее лицо.

Я отрицательно закивала. Прикрыв глаза, подняла лицо вверх, стараясь выровнять дыхание.

– А пить? Тебе сделать чая?

– Я не хочу. – Говорю, смотря в потолок. Он светло-бежевого цвета. Идеально ровный и гладкий. Я такой теперь не буду. Покрытая шрамами как физическими, так и душевными.

– Может быть, тебе чего-то другого хочется? – спрашивает подруга.

– Что говорили обо мне в школе? – Задаюсь вдруг вопросом. Неожиданно мне, действительно, захотелось узнать, какого мнения обо мне эти люди, ведь они, хоть и в меньшей степени, принимали участие в моем проступке.

– Они... – она замолчала, а затем продолжила, – не понимают, зачем ты это сделала.

– Считают ли они меня сумасшедшей? Или больной? – Без намека на эмоции говорю я.

– Да, – грустно сказала она с выдохом. – Они не знают, из-за чего ты это совершила, впрочем, как и я. И они считают тебя слабачкой. Только слабый человек, который не может выдержать тягости жизни, так поступает.

– Слабой? – Хмыкаю. – Возможно.

На самом деле, я думаю, что все обстоит иначе. Слабый человек никогда не смог бы решиться на самоубийство, ведь причинить вред самому себе – это очень нелегко. Нужно много храбрости, чтобы сделать себе больно. Но я, действительно, слабая. Я просто решила разбиться, а для этого сила не нужна. Иное дело спрыгнуть с многоэтажного дома или вскрыть вены, на это я бы никогда не решилась. Я боюсь боли.

– Значит, они бы с удовольствием забыли про меня? – Решила вернуться к разговору.

– Они уже забыли про тебя. – Лондон скривила нос, и вдоль переносицы и на лбу появились морщинки.

– Отлично. Я как раз не собиралась возвращаться, – немного грубовато произношу.

– Совсем? – Удивилась.

– Совсем.

– Эм, я не понимаю, зачем ты так. – Она качает головой. Сев на кровать, она пыталась заставить меня смотреть на неё, но ничего не вышло.

Я не отвечаю. Молчу и смотрю в потолок, стараясь сдержать свои эмоции. Никому нельзя показывать, насколько тебе плохо. Если она хоть что-нибудь заподозрит, то всё – она будет добиваться от меня признания.

– Эмз? Клеймо самоубийцы – это еще не конец, травмы тоже. – Разводит руками. Её голос дрожит, но в нём слышны нотки злости. Её явно раздражает, что я молчу и ничего ей не рассказываю в такой момент.

Я чувствую, как глаза становятся влажными. «Молчи, молчи, молчи», – говорю себе и прикусываю губу. Вероятно, это первые настоящие эмоции за последний месяц. Я ужасно боюсь ей признаться.

– Вернись к жизни, прошу. Поменяй школу, выйди на улицу, развейся. Хочешь, пройдемся к пляжу?

Нет, я не хочу. Оставьте меня одну. Я не хочу найти что-то, потом потерять, причинив боль кому-то. Не замечаю, как мои руки начинают бить дрожь.

– Ответь мне что-нибудь, Эм. – Она приподнялась, смотря мне в глаза.

– Что мне тебе сказать?

– Ты должна стать прежней. Веселой, а не грустной. – Меня это немного позабавило. Да, в присутствии Лондон я всегда старалась делать вид, что мне весело, улыбаясь, но если бы она была чуточку внимательнее, то увидела бы поддельные эмоции. Я была ужасно несчастна на протяжении двух лет, что жила с родителями.

– Не хочу подрывать твое доверие, поэтому ничего не обещаю, – отвечаю и сжимаю кулаки.

– Да что с тобой такое-то?! – она немного повысила голос. – Если с тобой что-то случилось, это не значит, что должны страдать другие! Да, черт возьми, весь мир не крутится вокруг тебя!

Лондон спрыгнула с кровати и подошла к окну. Её ладони крепко сжаты в кулаки, а губы напряжены. Она вот-вот скажет какую-нибудь остроту.

– Почему ты думаешь только о себе? Подумай обо мне, о сестре, подумай о тех, кому ты дорога.

– Я и думаю, – спокойно говорю я. А внутри все рвется, натягивается. Молчи, молчи, молчи! – кричу мысленно на себя.

– Как? Закрываясь ото всех и не дав ответа?

Нет. Боги, нет. Я же только о вас и думаю. Кому захочется мучиться с мыслью, что его дочь, сын, подруга или друг умрет? Ведь это будет невыносимо для всех.

– Ответь мне хоть на один вопрос.

Пытаюсь сконцентрироваться. Ладони сжаты в кулаки – не хочу, чтобы Лондон заметила, как они дрожат. Внутри меня борется два желания: сказать и не сказать. В итоге, я набираю полные легкие воздуха и выдыхаю его, снова вдыхаю-выдыхаю. Стараюсь не выдать свои эмоции в голосе:

– Я скоро умру, – говорю, все еще смотря в потолок. Голос все равно задрожал, по щеке произвольно катятся слезы.

– Отличная попытка, а теперь скажи правду, Эм. – Скептицизм, вот что я услышала в её голосе.

На мгновение меня охватила ярость, мол, да как она может так шутить, ведь это правда. Но волнение больше охватывало меня. Чтобы убедить её в своих словах, я добавляю:

– Мне осталось год или полтора.

Лондон молчит, смотря на меня в упор. Кажется, она не верит.

– У меня рак. Гребанная опухоль мозга! Тебя радуют мои слова? Тебе хотелось их услышать? – голос сорвался. Кажется, меня накрывает истерика. И я вроде бы это выкрикнула.

Лондон смотрит на меня ошарашено. Наверное, складывает в голове все кусочки пазла: книги, фильмы, мои желания и нежелания. Она не этот ответ хотела услышать. Она вообще не подозревала о таком. Лондон прикрыла рот рукой, стараясь не выдать всхлипа.

– Боже, – произносит она и бросается ко мне.

Сорок. Уже сорок дней.

Книга – она меняет весь мир вокруг.

– Может, ты тоже сделаешь список желаний? – спрашивает Лондон, вновь пришедшая в гости.

– Не знаю, посмотрим.

Книга меняет мировоззрение. А книга про утекающую сквозь пальцы жизнь – тем более. И я прочитала одну из таких книг.

– Как твоя нога? – интересуется она.

– Отлично. Еще неделю, и без костылей буду справляться, – свободно говорю я. Натянутость в моем голосе исчезла сразу после признания подруге, как будто камень с души упал.

– Хочешь, пройдемся тогда по магазинам? – Она грызет леденец.

– Нет, не нужно. – А затем прибавляю: – Ты зубы ломаешь. – Лондон отмахнулась.

– А что ты решила?

– Я не знаю. Одна не пойду. – Сижу, обхватив колени и думая.

Лондон и Кристи предложили мне вернуться в школу. Я, конечно, знала, что это для них непросто, они заставляют меня это сделать, чтобы я вела себя, как будто ничего и не было. Но если бы они не просили меня делать вид, что я здорова, то это значило бы, что они смирились с моей судьбой. Смирились с тем, что хождение в школу для меня все равно будет бесполезным занятием. И что я не вырасту, мне не нужны будут все эти навыки в будущем. Что у меня не будет никакого будущего. Я не хотела их разочаровывать, прекрасно понимая их волнение, потому решила согласиться.

– Если ты вернешься к учебе, я сделаю для тебя, что угодно. Могу перейти даже в другую школу, если ты там будешь, – пролепетала Лондон.

– Спасибо, – говорю я. – Там есть еще фильмы, которые мы не смотрели? – спрашиваю я, указывая на диски.

Лондон подбегает к стопке, лежащей на столике рядом с телевизором, перебирает, а затем победно поднимает дискетку. Мы садимся на кровать и внимательно смотрим. Подруга кладет голову мне на колени, и я легонько улыбаюсь. Так тепло и приятно.

В дверь стучатся, и заходит Кристи, держа в руках кувшин с чаем, чашки и, вероятно, лимонные пирожные.

– Я не помешала? – спрашивает сестра.

– Нет, конечно, – отвечает подруга.

– Спасибо, – благодарю за угощения, когда Кристи ставит все на прикроватную тумбочку и собирается уходить. – Кристи! – Зову. – Я согласна.

– Прекрасно, – сияет она и уходит.

Может быть, они и правы? Может, действительно нужно жить дальше, будто болезнь и не наступала? Ведь это всего лишь малая надежда для меня, но зато какая большая для них. Я волнуюсь за решение. А что, если я неправильно поступаю? Но теплота, разливающаяся по телу, заставляет верить в обратное.

«Надежда, – говорю я про себя, – это единственное, что у нас есть. А без веры мы – ничто».

Часть третья «Как и должно быть»

Пять

– Мне страшно, – шепчу, когда я и Лондон входим в ворота нашей новой школы.

Школа состоит из нескольких корпусов, и я только могла предполагать, где и что находится, но точно знала: здесь есть отдельный физический корпус с бассейном, естественно, есть стадион и спортивный зал, а также есть корпус искусства и труда, где проходят занятия по соответствующим предметам. Чтобы разобраться во всём остальном, придётся хорошенько изучить карту строения школы. Но, я думаю, долго тут не задержусь, впрочем, я и вообще долго не пробуду где-либо.

– Чего тебе бояться, глупая? – ласково ответила она.

– Ну, это не ты почти полгода общалась только с двумя людьми, которые знают твою тайну, – немного грубо произношу. Мне не хотелось, но так вышло.

Лондон посмотрела на меня жалостливо, словно я содрала старую мозоль, покоившуюся на её сердце.

– Извини... Я не подумала и ляпнула, – начала оправдываться я.

– Все хорошо, подруга, – по-доброму сказала она. – Просто... иногда я забываю.

– Забывай всегда и, пожалуйста, не смотри на меня так больше, – сказала я, и мы начали подниматься по ступенькам.

Семьдесят. Прошло семьдесят дней моей жизни с мыслями о смерти. Семьдесят дней в раздумьях о желаемом. Семьдесят дней тяжелой пустоты в сердце, тянущей меня куда-то на дно отчаяния и безумства.

Утро началось не с кофе, а с тонны лака на моих волосах.

Лондон пришла очень рано для того, чтобы на меня навести марафет. Она хотела, чтобы первый день в школе прошел изумительно, и нас смогли заметить и запомнить.

Лори уложила и выровняла мне волосы так, что было абсолютно не заметно моего криво выбритого виска и шрамов. Волосы блестели и ложились на плечи так ровно, что я задавалась вопросом: это точно мои волосы? А затем она принялась за макияж.

Увидев результат, я её постоянно переспрашивала, а не ведьма ли она? Или, может быть, она пользуется магией вне Хогвартса? В зеркале стояла я, низкорослая темноволосая девушка, с идеальной прической – на мой взгляд – и макияжем, скрывавшим следы бессонных ночей и слез. Костюм, похожий на школьную форму, оказался мне немного велик, на что Лондон в восхищении охнула, а затем вздохнула с горечью – наверное, снова думала о том, как же я похудела.

На самом деле, Лондон худая девушка, но у неё постоянный комплекс по поводу её ног. У неё большие бедра – отсюда и полные ноги. Она невысокая, но намного выше меня. У неё красивые русые волосы чуть ниже плеч, длинные ресницы, карие глаза. В общем, когда ты смотришь на её, взгляд задерживается, хотя из-за угрей она выглядит немного диковато. А вот у меня никогда не было прыщиков. Повезло же.

И вот мы уже поднимаемся по ступенькам, чтобы открыть дверь и попасть в старшую школу. Меня пробирает дрожь: а что, если они все знают? Что, если будут жалостливо смотреть на меня и выдавать сожаления при каждом удобном случае? Что, если будут высмеивать мой поступок?

Лондон тянет дверь за ручку на себя и, пропуская меня вперед, заходит. Всё было по-другому, не так, как я представляла себе в кошмарах, и я этому радовалась. Ученики проходили мимо нас, не замечая, словно мы – пустое место. Взглянув на них, я, конечно, поняла, что оделись мы не так, как подобает здесь. В смысле, слишком официально. Большинство ходило в обычных джинсах и футболках, остальные были разделены на группы по интересам – я лишь успела заметить группу готов и команду чирлидеров.

– И что теперь? – спросила я Лондон, цепляясь за рукав её блузки, словно ребенок.

– Успокойся. – Одернула она меня. – Идем к расписанию.

– Стой. Так ты знаешь, куда нас определили? – я удивилась.

Мне никто не говорил, в какую группу мы попали. А тут раз, и оказывается, что Лондон уже это знает. Меня это пугало, ведь мы с Лондон совершенно разные. А что, если люди мне там не понравятся? Я не хочу общаться с той компанией, которую выберет подруга, если она, конечно, кого-нибудь найдет себе. Люди меня пугают.

– Конечно. Кто с твоей сестрой подавал документы?

И она потянула меня следом за собой. Сначала нас никто не замечал, но сейчас все внимание было обращено к новеньким. Не удивлюсь, если кто-то из них гадал, какого черта мы забыли здесь.

Лондон остановилось возле доски и начала внимательно её изучать, водя пальцем туда-сюда, затем она ткнула пальцем на лист бумаги и произнесла:

– Ах, вот! – Она резко взяла меня под руку и куда-то повела.

Возможно, со стороны это выглядело весьма странно, словно я – питомец Лондон, но мне так легче. Я еще сомневаюсь в своих решениях. Да черт! Если бы не Лондон, крепко схватившая мою руку, я бы давно убежала под напором взглядов окружающих.

Мне было неприятно, как они на нас смотрят, а вот подруге это, кажется, даже немного нравилось – она улыбалась. По телу прошла волна мурашек.

Из-за гула у меня начало звенеть в ушах.

«Да когда они прекратят смотреть?» – думала я, все больше раздражаясь.

Лондон зашагала медленнее, озираясь по сторонам, а затем, увидев нужную дверь, снова двинулась поспешным шагом. Я за ней еле успевала.

Мы зашли в кабинет психологии. У меня словно камень с души упал, когда я, Лондон и наш учитель оказались одни.

– А-а-а, вы, как я понимаю, новенькие? – спросил он.

– Да, Я – Лорен Уоррен, а это моя подруга – Эмили Беннет, – ответила за обоих Лондон.

– Очень приятно, – отозвался учитель, улыбнувшись.

Лондон улыбнулась в ответ.

Учитель на вид был довольно молодым, лет двадцати пяти – тридцати.

Лондон всегда умела общаться с мужчинами, ну, или научилась тогда, когда мне не было до этого дела. Она всегда считала меня странной, ведь любая девочка, по её мнению, хоть раз в жизни в переходном возрасте должна желать узнать, какого же это – быть с парнем, именовать чьей-то девушкой, целоваться и расставаться. Но меня это совсем не интересовало – для меня было важным наладить отношения в семье и не допустить того, чтобы мы скатились на самое дно.

Первый парень у неё появился в четырнадцать лет. Помню, как она радовалась и волновалась. Все свои решения она оговаривала со мной, будто я в этом что-то понимаю. Но, тем не менее, я её поддерживала всегда, как и она меня.

В шестнадцать она в первый раз занялась любовью с Чедом – старшеклассником и парнем, который сводил её с ума. В то время она никого и ничего не хотела слышать против него –

так безумно была влюблена – и делала все, что было угодно Чеду, лишь бы он остался с ней. Но он все равно её бросил, как только Лондон ему надоела.

«Глупая», – так я утешала её в то время.

А затем она, как истинная пижонка и разгильдяйка, забывала свою боль с Тришем, Кевинном, Ником, Алексом... Всех имен не запомнить. В этом мы и отличаемся. Она – живая, веселая, сексуальная, на неё заглядываются парни. А я даже ни разу ни с кем не целовалась. Я унылая. Я молчаливая, хотя, как некоторые говорят, остра на язык. Я умирающая. Нет, я уже мертва.

Лондон старше меня на год, но мы ходим в один класс. Когда она была маленькая, у неё были проблемы с речью, её вечно занятые родители поздно спохватились, и им пришлось ждать еще год, чтобы отдать свою дочь в школу.

Иногда я мысленно благодарю их за это несмотря на то, что они постоянно сокрушаются, говоря: «Если бы мы не оплошались, ты уже была бы в выпускном классе». Если бы они не оплошались, я была бы вечно одна.

Лондон все еще улыбается и строит глазки нашему учителю, сладко с ним беседует. Я пихнула её локтем в бок:

– Эй! – возмутилась она.

– Вы можете присесть на любое место, – произнес учитель.

– Да, конечно, мистер Стивенсон, – мягким голоском прошептала Лондон и повела меня к последней парте у окна.

Я посмотрела на неё, как бы спрашивая: «Что? Ты уже даже знаешь, как его зовут?!»

– Что? – прошептала подруга, изумляясь.

Я закачала головой:

– Нет, ничего, – тихо ответила.

И тут прозвенел звонок. В кабинет ринулись наши одноклассники, все они озирались на новеньких. Все пихались, лишь бы занять самые лучшие места – галерку.

Слышно было лишь:

– Эй, это моё место, я тут сидел в прошлом году!

– Иди к черту, Оливер!

– Сама иди!

– А ну, проваливай!

Моя голова потихоньку разрывалась на части. Я не могла вынести это шума, и возгласы, и крики. Это было так непривычно. Почти полгода проведя в тишине и покое, я совершенно отвыкла от этого школьного шума, баса голосов парней и визги девушек.

– Ты чего? – поинтересовалась Лондон. – С тобой все в порядке?

Нет, не в порядке. Я умираю.

Но несмотря на душевную дискуссию я не заметила, как схватилась за голову, закрывая уши ладонями. Не замечала и то, как Лондон попросила класс замолчать (они, наверное, все внимательно следили за происходящим), а затем приобняла меня за плечи.

Кто-то (кажется, учитель) принес мне стакан воды, и я выпила таблетку парацетамола – Кристи сложила мне в сумку целую аптечку.

Мой слух успел уловить лишь то, что мистер Стивенсон представил меня и Лондон классу, а затем я провалилась в пустоту, слушая пульсирующую кровь у себя в висках.

Лондон разбудила меня сразу, как закончился вводный урок.

– Извини, я же говорила, что все это – плохая идея, – говорю я.

– Тебе уже лучше?

Я кивнула.

– Тогда идем?

Я снова кивнула.

– У нас химия, – сообщила мне подруга, и мы вышли из кабинета. Она не сводила с меня глаз, хотя за руку уже не держала.

Я шла рядом с ней и зачем-то обращала внимание на разные мелочи: большие окна, зеленый клен за окном, небо голубое, на нем нет ни облачка. У кого-то на звонке стоит «Му Chemical Romance – Teenagers». Девушка с татуировкой на запястье. Парень сидит на скейте на полу. С ним рядом стоит девушка в массивных БДСМ-ботинках. Милый парень сидит на рюкзаке и смотрит на меня. Парень с курчавыми волосами.

Затем я шла и смотрела на свои ботинки. Ковыряю грязь под ногтями. Откуда она взялась? «Не смотри на них, займи себя, не обращай внимания», – говорила я себе, потому что слишком много глаз было устремлено на нас, и это меня крайне беспокоило.

Голова кажется такой огромной и тяжелой. Ноги ватные. Я словно лечу.

– Эй, привет, вы, кажется, новенькие, да? Я – Эрик, – протараторил парень и помешал моим раздумьям.

Затем сразу же к нему подошла девушка со светлыми мелированными волосами.

– Я – Бриттани, – сказала она.

– Я – Лондон, это моя подруга – Эмили.

Ну вот. К чему это было сказано? Не люблю, когда Лондон представляет меня кому-то без моего ведома, ведь это для неё важны новые знакомства, но никак не для меня.

– Мы работаем на школьном радио и сайте, передаем все самые свежие новости и сплетни. Если хотите, подпишитесь на бесплатную рассылку новостей, тогда вам на телефон будут автоматически пересылаться все события, и вы будете всегда в теме. Сейчас новость – это вы, и мы бы хотели с вами познакомиться, – начала Бриттани.

Она тараторила себе под нос. Наверное, Лондон её слушала, потому что первая была очень увлечена своим рассказом. Затем девушка начала слушать рассказ моей подруги. Лондон любит быть в центре внимания. Лишь бы она не сболтнула ничего лишнего. А хотя... мне плевать.

Бриттани выглядела немного смешно, на мой взгляд. Огромную грудь она не прятала, как сделала бы я, а, наоборот, выставляла напоказ, надевая майку с большим вырезом. Леггинсы синего цвета обтягивали её широкие бедра. Фиолетовые кроссовки. И много украшений.

Лондон такой стиль, а-ля мажор, наверное, понравился.

Я не слушала никого и ничего, рассматривала свои ботинки, затем руки. У меня такие худые пальцы, словно вампир выпил из них всю кровь.

Мысленно задавалась вопросом, а какого черта я тут делаю? А затем я вспоминала, что все это ради них, ради Кристи и Лорен.

Затем я рассматривала того кучерявого парня, сидящего на рюкзаке. Мне понравилось, как он был одет, но больше всего мне понравилось, как он двигался: изящно, плавно, но с некой осторожностью, будто оценивал каждое своё движение. Он болтал с девушкой-готом (как я поняла) и с парнем-скейтером. Девушка была очень красива: темные волосы со вплетенными в них яркими прядями, прекрасная фигура и глаза, словно бы глядящие прямо в душу.

Они выглядят счастливыми. Я хочу быть счастливой тоже.

– Эй, Эмили, улыбнись, – сказала Лондон и приобняла меня за плечи.

Я рефлекторно повернула голову, и нас сфотографировали.

– Какого черта? – вырвалось у меня.

– Это Лейла – редактор школьной газеты, – пояснила Лондон. Только вот я все равно ничерта не поняла.

Передо мной стояла высокая девушка со смуглой кожей и длинными кучерявыми белыми волосами.

Я вопросительно смотрю на подругу. Лондон на меня. Я на неё.

– Я работаю вместе с Бриттани, – вмешалась в нашу немую перепалку Лейла. – Она делает радиорепортаж, я пишу статью в газете, поэтому мне нужна была ваша фотография.

– Можешь меня обрезать? – спрашиваю я её.

Она удивленно выпучила глаза, словно не ожидала этого услышать.

– Я думала, вы хотите появиться в газете, любой бы хотел, – с упреком произносит Лейла.

– Моя подруга – может быть. Я – нет.

Лондон хватает меня за руку и уводит прочь:

– Делай, что делала, удачи! – бросает она Лейле.

Я начинаю вырываться, словно ребенок:

– Отпусти меня!

– Ты идиотка? – спрашивает меня подруга.

– Если я не хочу выделяться, значит, я – идиотка? Ну, спасибо, – говорю я и оставляю подругу в одиночестве, идя вдоль коридора.

– Ты даже не знаешь, куда идти! – кричит она мне в след.

– И без тебя справлюсь, – огрызаюсь я и замечаю боковым зрением, как Лондон, взбешенная, разводит руками и уходит в другом направлении.

Я, следуя чертежам школы, развешанным на каждом повороте, выбираюсь из школы на улицу. В моей памяти еще складывался образ моей старой школы, поэтому, рассчитывая на то, что они построены по одному плану, я направляюсь искать уличный туалет. К счастью, эта школа наподобие моей старой.

Я зашла внутрь и к удивлению обнаружила там столик и два стула, помимо раковин и зеркал, которые стоят во всех школах. Бросила свою сумку на стол и стала рассматривать себя в зеркале.

Там отражалась не я, в зеркале была копия Лондон – подведенные глаза, длинные ресницы, белая кожа, красные губы. Мне до жути захотелось кому-нибудь насолить, чтобы они почувствовали себя на моем месте, а не я на их.

Я взяла влажные салфетки и стерла с себя весь макияж, который Лондон накладывала на меня целый час. Теперь это была я со всеми недостатками. Я немного приподняла волосы и челку у виска и водила пальцами по гладкому шраму, на котором так и не начали расти волосы. На остальных участках они уже отрасли сантиметра на полтора.

Я смотрю на себя, и мне хочется плакать. Мне хочется поскорее умереть. А, может, и не хочется. В этом-то и загвоздка.

Достаю телефон из сумки, набираю справочную и узнаю телефон доверия.

– Алло, – говорит мягкий, но одновременно до жути усталый женский голос после нескольких секунд моего ожидания. – Вы что-то хотели? – повторяет она. По её интонации я бы сказала, что звонки ноющих людей её достали.

Я не знаю, что мне ей сказать, слова в голове путаются, так и не образуя полноценные предложения. Просто молчу, пытаюсь сконцентрироваться, но слова не идут. Понимая, что я трачу бесценное время этой женщины, от чего, мне, кстати, становится ужасно неловко, просто произношу:

– Жизнь – дерьмо.

Я, правда, так считаю. Взять весь короткий отрезок моей жизни: плохие моменты там преобладают над хорошими. И от того, что у меня такая никчемная жизнь, мне становится еще хуже. Ничего в этой жизни я не добилась, ни разу не испытала что-то поистине запоминающееся, никогда не была лучшей в школе, как Том или Кристи, а только разочаровывала своих родных ошибками. Я была мечтательна, но кому нужны мечтатели?

И вот я умру, ничего не узнав в этой жизни. И люди, и сама жизнь так обходятся со мной, что кажется, будто лучший выход это, действительно, смерть. Ну, или побег. Исчезновение.

– Угу, – произносит она. – Так что у вас случилось?

Мне хочется ей все рассказать: про мою болезнь, про мою семью, про мой неудавшийся суицид и про Лондон. Но я не знаю, кто она, не знаю, чем занимается помимо «службы доверия». Мне непривычно рассказывать что-то незнакомому человеку.

Я прижимаю трубку к уху, нервно дышу, пытаюсь сблизиться с женщиной по ту сторону телефона. Чувствую себя жалкой. На секунду мне показалось, что если я расскажу ей все, то она станет меня жалеть. А жалость мне не нужна.

– Вы все еще здесь? С вами все в порядке? Может быть, с вами что-то случилось? – спрашивает она спокойным голосом.

Вероятно, уже привыкла выслушивать бредни сотни людей. Ну, естественно, это ведь служба доверия; позвони, и тебе обязательно помогут добрым словом! О чём я собственно думала? Эта женщина одна из тех, кто постоянно выслушивает нытьё никчемных людей, людей, которые отчаялись. Знаю, не все звонят им, но мне не хочется быть одним из них. Моё признание не будет считаться за что-то дорогое, хотя это самое огромное откровение для меня. Потому я просто молчу и нервно дышу, словно маньяк из фильмов.

– Вы еще на связи?

– Нет. – Я бросаю трубку.

Шесть

Ветерок сдувает с деревьев золотые листья. Он же катит один из них по земле; листик то вздымается вверх, то опускается вниз, кружится, кружится, пока не наткнется на преграду.

Днем еще довольно тепло. Градусов пятнадцать – двадцать есть точно. Сейчас градусов десять. У меня мерзнут ноги. С чего бы это?

Я сижу в гамаке на крыльчке, укутавшись в одеяло, и любуюсь тем, как просыпается город. С каждой минутой людей становится все больше и больше: кто-то спешит на работу, кто-то на учебу, кто-то просто по своим делам. Этот город занят своими делами, и ему нет дела до такого маленького человека, как я. К тому же, скоро и меня не станет.

Нет! Я не хочу, чтобы, когда люди вспоминали обо мне, они думали, мол, это бедная девочка умерла от рака, она была так молода. Я хочу, чтобы они восхищались мной, чтобы они помнили меня, чтобы я была примером тем немногим, кому также не повезло в жизни.

Вдруг я увидела приближающуюся фигуру. Это была Лондон. Она шла уверенно и, вероятно, была точно также уверена в своих действиях и словах. Наверное, уже предугадала все мои решения.

– Привет, – произносит она.

Я смотрю на неё и не понимаю, она что, действительно думает, что, сделав вид, будто ничего не случилось, я её прощу?

– Сколько можно дуться, Эмили?

Я смотрю поверх неё. За её плечами виднеется голубой кусочек неба, покрытый разноцветными облаками. Видна макушка дома; кровля забавного оранжево-красного цвета. Видна только что пролетевшая птица. Кто это был? Грач? Воробей?

– Ты меня вообще слушаешь? – Лондон всё ещё пытается привлечь к себе внимание.

– Нет, – холодно отвечаю я.

– Отлично. – Она поставила руки на пояс. – Кристи тебе разрешила в такую рань сидеть на холоде?

– Она не знает.

Там за пределами моего дома скрывается целая жизнь. Но мне её не достичь.

– И где же твоя сестра? – Интересуется.

– Ушла в магазин, – легко отвечаю я.

Если бы мне дали хоть один шанс. Еще один шанс на жизнь. Крохотный.

– Она оставила тебя одну?

– Нет. Она думала, что я сплю. – Сегодняшнее утро такое прекрасное – я не хочу портить его своими гневными речами, хотя и злой я себя пока что не чувствую.

– И что же ты делала?

Лондон села на деревянные доски рядом с гамаком, в котором я развалилась.

– Думала.

– Ну, вот. Ты снова это делаешь! – напряженно произнесла подруга.

– Думаю? Мне разве нельзя думать?

– Нет! Твоими мыслями нельзя! – возмущается она.

– А что же мне тогда делать? – Потихоньку я начинаю чувствовать, как чувство злости появляется где-то у меня в груди.

– Жить!

– Жить?! – Я разворачиваюсь к Лондон и смотрю в её глаза. – Жить? – повторяю.

– Да, жить. И ничего больше, – легко произнесла подруга и пожала плечами.

– Хватит! – обрываю я её на полуслове.

Я пытаюсь отбросить одеяло, но вместо этого еще больше запутываюсь в нем. Гневаясь, я плюю на все и, подхватив одеяло, ковыляю к дому.

– Хватит что?! – кричит мне вслед Лондон.

Но я её не слышу. Зайдя в гостиную, села на пол, чтобы разобраться в том, как же я умудрилась запутаться в одеяле.

– Ты не расслышала? Хватит что?! – вторит Лори.

– Хватит делать вид, что я выздоровею.

Мои слова повергают её в шок. Она пытается что-то подобрать, ответить мне, но видно, что язык заплетается; она не знает, что сказать.

Я выпрыгиваю из одеяла и направляюсь к лестнице, чтобы закрыться в своей комнате и провести остаток дня там. Мне все равно, что она будет думать обо мне, пусть хоть проваливается. Я. Хочу. Быть. Одна.

– Я просто хотела сделать, как лучше, – говорит она.

– А сделала хуже. – Остановившись на последних ступеньках, произношу.

– Я не знаю, почему ты так бесишься! Это все из-за газеты? Так я уже договорилась с ними, они не будут делать выпуск про нас. – Кричит мне из соседней комнаты Лондон, и я слышу, как она начала приближаться ко мне.

Тут у меня щелкает. Мне хочется сделать это назло Лондон, но и заодно выполнить своё желание. А хотя я не уверена, что это поможет. Но попробовать стоит.

– А знаешь, ... – начинаю я, – пусть делают. Да, пусть! Я хочу, чтобы обо мне все узнали!

– Что? – Она произносит это так, словно только что споткнулась об порожек, хотя стоит на одном месте.

Мне становится смешно. Я не могу удержать слезы, потому смеюсь.

– Давай! Я хочу, чтобы обо мне все узнали. Считай, что это один из пунктов. В списке.

– Хорошо. Как скажешь. – Она кивнула головой. – Но тогда ты немедленно вернешься в школу. А сейчас иди, выпей таблетки и собирайся, – спокойно сказала Лори.

– Нет! – возмущаюсь я. – Хватит мне все время указывать, что делать!

– Я советую.

– И ты, и Кристи, вы постоянно твердите, что мне нужно делать! У меня такое чувство, что я неправильно умираю!

Я замолкаю. Лорен переваривает услышанное. Она, выпучив глаза, глядит на меня, поджав губы. Глаза заблестели и стали краснеть. Не могу на это смотреть. Отвернувшись, я кривлюсь так, чтобы почувствовать себя не виноватой в сказанном. Я не виновата, что они будут продолжать жить, а я умру.

– Хватит, – по слогам говорю я. – У вас обоих впереди вся жизнь, а у меня всего полтора года. И есть ли они вообще? – Мой голос срывается.

Я не знаю, куда девать руки, они так и норовят сделать что-то не то. Меня трясет от злости и от боли. Неужели Лондон не поняла это? Неужели она, правда, думала, что вылечит меня, вернув в привычное русло?

Я забегаю в свою комнату, хлопаю дверь и закрываю её на замок изнутри. Во мне столько эмоций. Я даю им волю. Даю волю рукам.

Сначала я нашла какой-то журнал и теребила его обложку, думая и заливаясь слезами в истерике. Уголок загибается треугольником, разгибается. Загибается. Разгибается. Сама и не заметила, как вырвала обложку и мяла в руках. Затем комкала страницы и разбрасывала по комнате, беззвучно кричала – голоса не было совсем.

Я представляю, что похожа на халка, и крушу все вокруг. Вся моя одежда из шкафов летит на пол. Все вещи, бумаги, карандаши и фломастеры со столов, столиков и комодов летят на пол тоже. Я швыряю куда-то свой мобильник. Переворачиваю все простыни, бросаю в сто-

роны подушки, швыряю на пол матрац. И, заходясь в истерике, сажусь возле кровати, хватаясь за свои волосы.

Я хочу спрятаться. Хочу вернуться в свое детство, где все было хорошо, и я была здорова. Залезаю под кровать – ныряю в прошлое. Раскидываю руки и притворяюсь, что лечу.

Я хочу почувствовать себя живой. Хочу попробовать то, что не успела сделать в жизни. Но моя жизнь закончилась.

Я нащупываю у себя под рукой что-то, подвожу к глазам и вижу, что это фломастер.

Я поняла.

Подползаю к стене, все еще прячась под кроватью, и начинаю писать. Корявые буквы пляшут вверх-вниз. От фломастера пахнет спиртом. Чернила выводят образы из моей головы на стену.

Первое – я хочу, чтобы меня запомнили. Я хочу оставить после себя что-то памятное. Чтобы люди знали моё имя.

Затем опускаюсь ниже и пишу следующую строчку. Затем еще. И еще. И еще. Весь промежуток, который я могла расписать под кроватью, оказывается заполненным.

Я ложусь снова на спину и гляжу на стену, перечитывая перевернутые буквы. Всего полтора года, если они есть, конечно же. Успею ли я?

А что если я прекращу дышать прямо сейчас? Решаюсь попробовать.

Вдох. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Десять. Пятнадцать. Тридцать. Перед глазами начинают бегать черные точки. Сердце бьется чаще. Хочется глотнуть воздуха. Рефлекс. Сорок. Вдох. Я не выдерживаю.

Слышу приближающиеся шаги. Замираю. Ручка дергается, но дверь не открывается. Больше её не пытаются открыть. Я слышу, как Лондон спускается вниз по лестнице. Двенадцать громких шагов – тринадцать ступенек. Затем слышу скрип дивана. Включенный телевизор. По телеканалу крутят Икс-Фактор.

Завибрировал телефон. Я вылезла из под кровати и начала искать его. Он лежал в куче вещей, которых я разбросала. Лондон написала эсэмэску: «ИЗВИНИ».

Кидаю взгляд на комнату – я её разгромила. Все мои руки измазаны фломастером. Волосы превратились в птичье гнездо. Беру расческу и пытаюсь привести их в порядок. Через несколько минут усилий стало намного лучше.

Я выглядываю в окно. Тучи уже затянули небо. Скоро будет дождь. Интересно, когда ветер успел их пригнать?

Дышу полной грудью, чтобы наладить сердцебиение. Вдох-выдох. Вдох. Вдох. Выдох. Набираю эсэмэску Лондон: «И ТЫ МЕНЯ».

Вытерла лицо рукавом кофты, в которую я была одета, и убедилась, что больше такого не повторится. Я спокойна. Спокойна.

Спускаюсь вниз и вижу Лондон, обнимающую подушку. Наверное, ей тоже некуда было девать руки, но она нашла наиболее правильный выход. Подруга оборачивается на звук моих шагов. Не знаю, что делать, стою, как вкопанная, смотрю в глаза Лондон.

– Иди ко мне, – произносит она и отбрасывает подушку в сторону, раскрывая объятия для меня.

Я плюхаюсь в её объятия. Приятные мурашки. Тепло её тела. Зарываюсь в её волосы. Пахнут яблоком.

– Я, правда, не хочу тебя терять, – говорит она.

Чувствую, как моя щека становится мокрой – с подбородка подруги каплют слезы.

Ни разу не видела, чтобы Лондон плакала. Даже когда её бросил Чед. Она закрывалась ото всех, пребывала в депрессии, бесилась, но не плакала. Ни разу. По крайней мере, при мне.

– Это глупо, но я буду до последнего верить в то, что ты выздоровеешь, – произносит Лондон.

– Глупо, – вторю я.
– Любой бы на моем месте, так думал.
– Ты говоришь, как моя сестра.
– Потому что это правда. – Она гладит мою голову, поправляя волосы, заправляя их за уши.

А затем мы молчали. Просто находились в объятьях друг друга, ничего не говорили, даже не смотрели друг друга. И на меня накатило такое теплое чувство от того, что я сижу с человеком, с которым мне хорошо, которого я люблю. Я ведь, действительно, её люблю. И больше не нужно что-то делать, чем-то занимать себя, наполнять пустоту звуками. Достаточно просто почувствовать присутствие любимого человека.

И тут я поняла: это и есть счастье. Прямо сейчас, здесь я счастлива.

Заокали каблуки. Ручка двери повернулась, и в комнату вошла Кристи. Я притворилась спящей в объятьях Лондон.

– О, Лорен, здравствуй! – звенящим голосом произнесла она.

– Привет.

– Она спит? – тихо спросила сестра.

Я почувствовала, как подруга пожала плечами. Спасибо, что не сдала.

– А ты чего не в школе? – задала вопрос Кристи.

– Хотела зайти за ней.

– Она категорически отказывается выходить из дома, – устало произносит Кристи.

Я слышу, как она снимает туфли. Они глухо ударились об пол. Зашелестели полиэтиленовые пакеты с покупками.

– Угу, – произнесла Лондон.

– Что произошло тогда? Она не хотела с тобой больше общаться.

Я представила, что Кристи встала в проходе, облокотилась об арку, возможно, даже села на пол из-за усталости и разговаривает с Лондон вот так, непринужденно.

– Ничего особенного. Мы и раньше ссорились.

– Дружба без ссор и примирений – не дружба, да? – Голос Кристи всегда такой мягкий, спокойный, словно она всегда всё понимала с полуслова.

– Можно и так сказать.

– Хочешь чаю? Ты не голодна?

– Нет, спасибо.

Кристи зашагала. Еще двенадцать шагов – тринадцать ступеней. Затем она повернет и увидит открытую дверь в мою комнату. Решит закрыть и удивится тому, какой я бардак устроила. Я слышу.

– Что здесь у вас произошло? – недоумевая, спросила сестра, громко затоптавшись на месте, после того, как посетила мою комнату.

Она, наверное, раскрыла рот от удивления после увиденного. Но я не знаю. Глаза закрыты.

– Мы с ней снова повздорили, и она закрылась у себя в комнате. – Лондон вновь пожала плечами, мне кажется, она улыбнулась.

– Боги... она – монстр.

И повисла неловкая пауза.

– Она что, хотела разнести весь дом? – наконец спросила Кристи.

– Не знаю. Возможно.

– Я не понимаю, как мне быть... – Я слышала в голосе сестры нотки печали и безысходности. – Сегодня предстоит море работы. – Она вздохнула.

Затем снова шаги. Похоже, она ушла в свою комнату. Я поднимаю голову и шепчу на ухо Лондон:

– Я – чудовище, – произношу это так, будто подтверждаю слова сестры.

Лондон кивает в знак согласия.

– Я хочу, чтобы меня запомнили. Это номер один. – Не представлю, как я буду всё это делать, но рядом со мной есть Лорен, она решит всё-всё.

– Хорошо, – и шепчет, – а что под номером два?

– Стать кем-то другим. Не собой. Всего на день.

– Хочешь почувствовать себя в другой шкуре? – переспрашивает она.

Я угаваю.

– Значит, завтра ты станешь мной, – говорит Лондон, и её глаза светятся коварством.

Она что-то задумала.

Семь

– Теперь ты – это я, запомни. – Эти слова Лондон повторяет уже в сотый раз, словно мантру. – Ты должна делать то, что, как ты думаешь, могла бы сделать я. Ну, или смотри на меня, если не знаешь, что же делать. Хорошо?

– Я прекрасно тебя знаю, но спасибо за наставление.

Мы прятались под трибунами от физрука на его же уроке. Физкультура была последним уроком в нашем расписании, и вместо того, чтобы просто уйти домой, мы остались и чего-то ждали. Подруга присела на корточки и закурила. Я смотрела на то, как изящно она выдыхает синий дымок (а, может, мне просто показалось, и так делают все?), держа сигарету между пальцами. Лондон заметила мой взгляд и произнесла:

– Хочешь?

– Нет. Что ты чувствуешь? – поинтересовалась.

– Когда курю?

– Да.

Лондон сделала еще одну долгую затяжку, выдохнула дым и сказала:

– Мне хорошо. Я словно оказываюсь где-то в космосе, где меня не мучает внутренний голос. Могу сама подумать надо всем, не заботясь о том, правильные ли мои мысли.

– Звучит хорошо, – произношу я.

Она кидает мне на колени пачку сигарет. Я их внимательно рассматриваю. Marlboro. Упаковка темно-синяя, на ней большими буквами сделана надпись: «КУРЕНИЕ УБИВАЕТ». Лондон еще даже не успела снять прозрачную пленку на самой пачке, она просто раскрыла её и закурила. Я считаю и оказывается, что в одной пачке двадцать сигарет, у них серебряная обертка. Лондон просит меня достать еще одну, что я и делаю.

– Сколько ты выкуриваешь сигарет за один день? – спрашиваю.

– Не знаю, смотря от настроения. Обычно сигареты 3—4, – она говорит это так задумчиво и смотрит на поле, на котором обычно проходят игры.

– Тогда что за настроение у тебя сейчас?

– В каком смысле?

– Ты уже вторую куришь, забыла?

– Ах, это. Я просто присматриваюсь, – говорит она.

Смотрю туда, куда смотрит подруга, и ничего особенного не вижу. Лондон делает еще три затяжки, а затем, не скурив сигарету даже на половину, тушит её об асфальт. Отдаю ей пачку.

– Все ушли, – произносит она.

Если бы мне это не сообщили, я бы и не заметила, что урок физкультуры закончился. Она приподнимается, поправляет свою мини-юбку и помогает подняться мне.

Сегодня я снова стала копией Лондон: на мне короткая свободная юбка, рубашка по локоть с двумя расстегнутыми пуговицами, яркий макияж и растрепанные волосы, тем не менее, уложенные так, что моего шрама видно не было.

На Лондон была мини-юбка, майка с большим вырезом и черно-красная клетчатая рубашка. Выглядела она, как всегда, сногшибательно.

Мы покидаем своё укрытие и идем через все поле к парням, которых мне показала подруга. Они стояли у стены и курили. Оба светловолосые. Оба красавчики.

Лондон достает две сигареты из пачки, протягивает одну мне и говорит:

– Не делай глубоких вдохов, просто вдохнула и сразу выдохнула, поняла?

– Да, но зачем это?

– И запомни главное правило: не влюбляйся, – продолжает она, игнорируя мой вопрос.

Я киваю.

Мы медленно идем к парням. Они, заметив нас, начали перешептываться и, вероятно, обсуждать. Мой взгляд сразу останавливается на футболисте (я поняла это по форме, в которую были одеты парни) с пепельными волосами.

– Мой тот, что слева, – произносит Лондон.

Я облегченно вздыхаю.

– Здорово, мальчуки, – говорит она.

«Плагиатишь», – подумала я про себя, вспомнив фразу из сериала «Сверхъестественное».

– Привет, – отзываются парни.

– У вас не найдется огоньку? – спрашивает Лондон и показывает сигарету, зажатую между пальцев.

– Конечно, – говорит тот, который понравился подруге.

Он достает из кармана зажигалку и показывает Лондон. Она подносит сигарету к губам и ждет, пока парень сам подожжет её. Так и происходит: он большим пальцем прокручивает колесико у зажигалки, слышен щелчок, и появляется маленький огонек; чтобы ветер не затушил его, парень сгибает ладошку и прячет огонек из виду; затем подносит зажигалку к сигарете Лондон, и та прикуривает.

Все выходит так непринужденно и одновременно сексуально. Лондон поворачивается ко мне и подмигивает. Я знаю, что нужно делать.

Медленно, чуть-чуть покачивая бедрами, – как меня учила делать подруга – я подхожу к этой троице и произношу:

– А мне позволите? – показываю сигарету.

Парень, с которым рядом стоит Лондон, бросает зажигалку своему другу, а тот произносит:

– Естественно, – улыбается.

Мне нравится его улыбка, он улыбается одними губами, не показывая зубы. Я тоже прикуриваю и вдыхаю дым так, как мне говорила Лондон. Совсем не кашляю, будто профи в этом деле.

– Меня зовут Лондон, а это Эмили. – Она указывает на меня.

– Я – Трент, – говорит парень. Он буквально пожирает взглядом мою подругу, та же в ответ его взгляду улыбается и флиртует.

– А я – Брэдли или просто Брэд, – он обращался ко мне.

– Приятно познакомиться, – мило произношу и замечаю взгляд Лондон – это явно было лишнее.

– Да, и мне, – говорит Брэд, смотря на меня. Я замечаю, что у него карие глаза.

Мы скуриваем свои сигареты и беседуем об одном, о другом. Точнее беседуем я и Брэд, а Лондон уже что-то шепчет на ухо Тренту.

«Будь Лондон, будь Лондон, будь Лондон», – повторяю я про себя.

– Ой, – тихо произношу я; так тихо, чтобы меня услышал только Брэдли, – у тебя щека в чем-то.

Я поднимаю руку и подношу к лицу парня, обхватываю лицо ладошкой и, еле прикасаясь, большим пальцем стираю грязь с его щеки. Улыбаюсь. Он улыбается мне в ответ.

Зрачки Брэда расширены, интересно он знает об этом? Я где-то читала, что если человеку что-то нравится, то у него расширяются зрачки, когда он смотрит на это что-то. Если эта информация – правда, то мне это льстит. Значит, из меня вышла бы хорошая актриса.

– Всё, – также тихо произношу я и опускаю руку.

– Спасибо, – говорит он мне.

– Чем вы будете заниматься после уроков? – спрашивает Лондон.

– Не знаем, а вы? – отвечает ей Трент.

– Ищем, с кем бы сходить прогуляться. Не хотите составить нам компанию? – влезая я.
– С удовольствием, – произносит Брэд.

Наша маленькая беседа получилась такой слаженной, словно мы все читали один и тот же сценарий, знали, кому какая реплика должна принадлежать.

– Отлично, где мы встретимся? – продолжаю я.

– На ваше усмотрение.

– Тогда пойдем в клуб, – говорит Лондон.

– Пойдем в клуб, – вторит Трент и заглядывает в лицо Лондон.

Она стоит, прислонившись к стене, а Трент навис над ней, опираясь об стену одной рукой. Они стоят так близко, смотрят глаза в глаза. Трент следит за каждым движением её губ, ловит каждый вздох, а Лондон лишь еще больше раскрепощается. Между ними словно пробежала искорка, я видела её в их глазах, наполненных желанием.

Я подумала: нужно брать ситуацию в свои руки, нужно вести себя, как подруга, ведь я сама пожелала этого. Это пункт в моем списке.

Достаю из сумки, висевшей на моем плече, ручку, беру руку Брэда и пишу на тыльной стороне ладони свой номер телефона.

– Пиши, звони мне, – говорю.

Хочу отпустить его руку, но Брэд не выпускает мою руку из своей, переплетает наши пальцы. По телу побежали мурашки, что-то сжалось под ребрами.

– Обязательно, – шепотом произносит он.

Свободной рукой я нащупываю карман в своей сумке и кладу туда ручку, все еще не спуская глаз с Брэда. Затем слышу звонок на следующий урок и понимаю, что нам с Лондон пора идти. Смотрю на подругу. Она что-то шепнула Тренту на ухо и засмеялась.

– Лондон, нам пора идти. – Говорю и слежу за реакцией Брэда. По-моему, он немного огорчен, надеялся на продолжение.

– Хорошо. – Бросает она мне и целует Трента, легко, нежно, словно говорит, что продолжение следует.

«Я – это Лондон», – припоминаю себе.

Поманиваю пальцем Брэда. Он наклоняется, я шепчу:

– Увидимся вечером. – И тоже целую его, не выпуская его руку.

Мы целуемся нежно, едва прикасаясь губами. Я всегда знала, что буду целоваться хорошо, хотя и не пробовала на практике. Читала разные статьи о том, как сделать, чтобы нос не мешал при поцелуе, про возможный избыток слюны, про то, куда девать руки, и про различные способы поцелуев. А, чувствуя себя Лондон, я представила, что у меня было также много парней и что я давно уже умею целоваться – это добавило мне немного уверенности, и я делала то, что делала.

– Ну что, идем? – спрашивает подруга.

Я отрываюсь от Брэда и говорю подруге:

– Да.

Еще раз целую парня, – легко чмокнула его в губы – заливаюсь краской, улыбаюсь ему, разворачиваюсь и ухожу.

Когда мы вышли за ворота школы, Лондон мне говорит:

– А ты просто молодец! – восхищается она. – Я не думала, что у тебя действительно получится быть мной.

– Мне нужно выполнить это чертово желание.

– У нас впереди еще целый вечер, не облажайся, а то тебе придется целую вечность притворяться мной. – Лондон легонько ударяет локтем мне в бок и подмигивает. Она была бы рада, если бы я была, как она.

Мне приходит эсмэска от Брэда: «Где и во сколько мы встречаемся?» Под диктовку Лондон я ему пишу: «В клубе „Браймонт“ в семь вечера». Затем смотрю время на мобильнике: 15:00. У нас есть еще четыре часа.

На мне короткое черное платье без рукавов и с небольшим бантом впереди, очень светлые колготки и туфли на каблучке серебряного цвета. У платья ткань, мягкая, приятная, сделана из бархата. Несмотря на то, что Лорен давно не надевала это платье, оно все равно пахнет ею. Мои волосы разделены пополам и убраны за уши, хотя некоторые локоны все же выбиваются. Конечно, подруга постаралась сделать из меня сексуальную штучку.

Лондон наносит мне на лицо тональный крем и размазывает пальцем.

– Как часто ты ходишь в клубы? И что он собой представляет, этот «Браймонт»? – спрашиваю я.

– Увидишь, – отвечает она, игнорируя мой первый вопрос.

Лори обводит мне губы контуром и замазывает помадой. Затем лазурной подводкой рисует мне стрелки, берет тушь и велит мне смотреть на неё и не дергаться. Я выполняю её просьбу. На ней золотистое платье на бретельках, украшенное тысячами такими же золотистыми блестками, темные колготки, отливающие изумрудом, и черные, бархатные танкетки.

– Вот, смотри. – Говорит она и тянет меня к зеркалу.

Мы выглядим шикарно, Лондон, правда, мастер своего дела. Не могу оторвать взгляда от своих глаз – подводка синего цвета оттеняет их голубизну и делает взгляд глубже, я словно тону в озере.

Мне приходит сообщение от Брэда: «Мы уже выходим».

– Они уже направляются в клуб, – говорю я Лондон.

– О'кей, я сейчас закончу, и мы тоже пойдем, – произносит она, поправляя макияж.

Мне из-за чего-то стало не по себе. Наверное, я струсил.

– Сейчас вернусь, – говорю.

Я сижу на унитазах и думаю. В тишине туалета сосредоточиться легче всего. Мир словно встает на свои места. Я не могу отказаться от своей затеи, ведь я продержалась уже почти сутки, но быть Лондон для меня очень сложно. Собственные мысли и действия пробиваются наружу. Платье кажется мне очень коротким, если его еще чуть-чуть приподнять, то можно носить как футболку.

– Эй, ты там скоро? – Стучится в дверь Лондон.

Пописав, я вытираюсь и поправляю платье. Мою руки. Лондон все еще тарабанит в дверь, и я её открываю:

– Иду, иду.

Мне кажется странным то, что Кристи еще не вернулась домой. А, может быть, у неё просто дела? Я пишу сестре записку и с помощью магнита цепляю её на холодильник. Мы ждем такси, которое вызвала Лондон, а затем едем в клуб по названному адресу.

Сегодня пятница. Огромная толпа людей ждет своей очереди. Неоновая вывеска, висящая над входом в клуб, приветствует всех, подмигивая. Вышибалы внимательно оценивают внешний вид посетителей и решают, пустить их или нет. Музыка отдается эхом здесь, снаружи.

Мы идем сквозь толпу людей, ждущих в очереди, не обращая внимания на недовольные возгласы. Это неправильно, но мне понравилось. Мы нарушаем правила! Кто-то кричит нам вслед:

– Эй, они без очереди, в очередь пусть идут!

Но сегодня мы великолепны. Нам можно все.

Вышибалы пускают слюнки, смотря на нас, и пропускают просто так, присвистывая и крича нам вслед.

В клубе оказалось душно и накурено. Я никогда раньше не была в клубах. Музыка была включена так громко, что у меня зазвенело в ушах. Я чувствовала биты клубняка где-то у себя в горле, в ямочке между ключицами, и мне показалось это забавным. Словно мне снова пять лет, и я протягиваю длинное «а», легонько хлопая по рту рукой, от чего звук получается прерывающимся.

В клатче, который я держала в руке, завибрировал телефон. Я получила эсэмеску от Брэда: «Мы вас видим».

Оглядываюсь по сторонам, но никого не замечаю. Свет мерцает, по полу бежит прохладный дымок, – видимо, здесь включена установка для спецэффектов – у сцены разноцветные лучи прокторов освещают толпу.

– Лондон? – Зову подругу, но никто мне не отвечает.

Я кружусь на месте, смотрю в толпу и пытаюсь отыскать подругу. Чья-то рука ложится мне на плечо, я вздрагиваю. Оборачиваюсь и вижу Брэда.

– Привет, – произносит он.

– Эээ, – я немного удивлена, – здравствуй.

Парень берет меня за руку и куда-то ведет.

– А мы куда? – спрашиваю.

Но он, наверное, не услышал – так громко включена музыка – и не ответил. А затем я увидела темные кресла, заполнившие всю стену, кофейные столики и маленькие светильники на них. Лондон и Трент сидели, обнявшись и держась за руки, они целовались и хихикали, что-то рассказывая друг другу.

– Зачем ты ушла? – спрашиваю я её.

– Потому что Брэд вызвался проводить тебя, – ответила она.

Затем Трент что-то сказал ей, и она снова рассмеялась.

– Мы пришли сюда, чтобы сидеть или чтобы танцевать? – невозмутимо спрашиваю.

– Да, давайте танцевать! – Лондон явно была на веселе.

Музыка сменилась. В колонках зазвучала чарующая музыка. Она словно гипнотизировала меня своими тонами, таинственный женский голос на фоне мелодии завораживал.

Я и Брэд танцевали. Наши тела соприкасались, и от этого я каждый раз вздрагивала, тело покрывалось мурашками. Я поднимала руки вверх, скрещивала, потом медленно опускала их вниз, очерчивая контуры своей фигуры. Нет, я не умела танцевать раньше, но сейчас я просто отдалась музыке и плыла по её течению. Брэд танцевал просто отлично, он тоже слушал музыку и отдавался ей, его руки воспроизводили сначала ломаную линию, потом начали притягиваться ко мне, но не касались. Он проводил руки в нескольких сантиметрах от моего тела: сначала волосы, потом талия, мои руки и бедра.

С каждым мгновением мы становились все ближе и ближе. Наши лица тянулись друг к другу. Он остановился, притянул меня к себе – я вздрогнула – и поцеловал, страстно, ненасытно. Я слегка прикусываю его губу, Брэд издает истошный вздох. Его язык проникает в мой рот и сплетается с моим языком. Поцелуй становится все сильнее и глубже, мне не хватает кислорода. Что-то внутри меня екает и переворачивается, в животе сладко тянет.

Я отрываюсь от губ Брэда, чтобы сделать вздох, а он начинает покрывать поцелуями мою шею, целует за ухом. Мои пальцы вплетаются в его пепельные волосы. Он водит ладонями по моей спине, рисует пальцами странные узоры, опуская руки все ниже и ниже. Вздрагиваю от неожиданности, когда его рука скользнула под мое платье, обнажая бедро. Я стискиваю его ладонь и кладу её на талию. Смотрю на Лондон, она отрицательно качает головой – она бы не остановила его. Возвращаю ладонь Брэда на бедро, затем беру его лицо в руки и целую. Одна моя рука запутывается в его волосах, другая крепче цепляется за шею, за плечи. Я чувствую через платье, как Брэд меня хочет.

Мне нравится то, что я с кем-то, нравится и то, что он ничего не знает обо мне, не знает, что он – это вычеркнутый пункт в моем списке. Я отрываюсь от него, чтобы дать нам передышку. Тяжело дышу, тело вспотело, и платье стало неприятно липнуть к нему. Чувствую, как горят мои губы и шея от наших поцелуев. Моё тело возбуждено, гормоны растекаются по крови, мне приятно, но я не чувствую наслаждения. Брэд красивый и сексуальный парень, но он не заставляет моё сердце дрожать и вспыхивать при одном только взгляде на него.

Я прошу Брэда принести мне выпить и подмигиваю Лондон. Она что-то говорит Тренту, он кивает и уходит, когда я подхожу к подруге.

– Ну как, я была похожа на Лорен Уоррен? – спрашиваю её.

У Лори глаза горят, она улыбается:

– Чертовски похожа! – кричит она сквозь музыку, чтобы я её расслышала. – Да он тебя чуть не трахнул на этом танцполе! – возбужденно произносит.

– Который час? – неожиданно спрашиваю я.

– Не знаю, посмотри в телефоне. – Подруга пожимает плечами.

Я достаю телефон из клатча, висящего на моем плече, – я совсем забыла об его существовании – и смотрю на дисплей. 1:37. Семь пропущенных вызовов от Кристи. Два пропущенных с неизвестного номера.

– Лондон! – удивленно кричу я подруге.

– Чего?!

– Уже два ночи!

– И что?

– Мне Кристи семь раз звонила!

– О'кей, – произносит она, словно бы понимает, о чем я говорю. Нельзя допускать, чтобы Кристи обо мне так сильно волновалась.

Когда парни возвращаются с напитками, мы прощаемся с ними и уходим, попутно ловя такси, чтобы доехать до дома.

Я тихо запираю дверь, чтобы не разбудить Кристи, если она, конечно, спит. Снимаю туфли, беру их в руки и осторожно иду босиком. Когда я прохожу мимо гостиной, то слышу голос сестры:

– Где ты была?

– Мы с Лондон танцевали стриптиз. – Выпятив бедро и приподнимая туфли вверх, говорю я.

– Смешно.

Кристи сидит на диване и в пол оборота смотрит на меня, голос у неё усталый. Мне её жаль, она ведь сама вчера сказала, что не знает как со мной быть.

– Мы были в клубе.

– Уже три ночи. Я волновалась.

– Знаю.

Я стою в проходе и смотрю на силуэт сестры в полумраке. Даже в темноте она выглядит устало.

– А ты где была? Тебя долго не было, – говорю.

– Решила восстановиться в университете, хотя бы заочно.

– Тебе не обязательно сидеть со мной и посвящать мне свою жизнь непрерывно.

– Кто же тогда, если не я?

Я киваю. Она права. Переминаюсь с ноги на ногу.

– Спокойной ночи, – говорит Кристи.

– И тебе тоже, – произношу я и поднимаюсь в свою комнату.

Поставила туфли рядом с кроватью и сняла с себя платье, которое мне одолжила Лондон. Медленно стянула с себя колготки. Только плюхнувшись на кровать, я поняла, как же устала. Ноги приятно ноют. Укутавшись в одеяло в одном нижнем белье, забыв смыть с себя макияж, я мгновенно забываюсь сном.

Комментарий к главе

**Песня, которая играла в клубе: Bassnectar – Calling From Above*

Восемь

В понедельник в школьной газете появляется статья про меня и про Лондон. Конечно, большая часть статьи посвящена подруге, но я не огорчаюсь, наоборот, даже рада. Однако, я не чувствую удовлетворения от неё. Это не то, что я желала. Так люди не запомнят меня.

Я зашла в библиотеку и взяла несколько книг для чтения. Достала одну из них, села за столик и принялась читать.

– Эй, ты Эмили Беннет? – спрашивает меня девушка, сидящая напротив.

– Да, это я, – откликаюсь.

– Я прочла про тебя в школьной газете. А правда то, что ты раньше писала стихи? – Она кладет лицо на ладони и внимательно разглядывает меня.

– Правда.

– Отлично! – Девушка радуется моим словам, словно какой-то драгоценности. Хлопает в ладоши и откидывается назад. Я вижу, как под столом она качает ногами.

– В каком смысле? – недоумеваю я.

– Ты можешь мне помочь! Если захочешь, конечно.

– И в чем заключается моя помощь?

– Если ты сможешь, то напиши, пожалуйста, песню для женского голоса, – умоляюще говорит девушка. Не знаю, как описать её по-ребячески детское лицо.

– Я бы с радостью, но давно не писала ничего подобного, – проговариваю я. Мне немного жаль девушку, похоже, она, правда, рассчитывала на мою помощь.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – повторяет она. Зажмуривается, наклоняет голову и поднимает сложенные ладони над головой.

– Я не могу.

– Ну, пожалуйста. Хотя бы попробуй. Если не получится, то я от тебя отстану.

Я смотрю на эту девушку и думаю: а что если попробовать?

– Как тебя зовут?

– Я – Эллис.

У неё длинные каштановые волосы, завязанные в хвост, ореховые глаза, детская улыбка. А ещё по-настоящему детские манеры поведения.

– Хорошо, Эллис, я попробую, но ничего не обещаю.

– Ура! Спасибо тебе! – Она вскакивает со стула, обнимает меня и уносится прочь, захватив с собой все свои вещи, подпрыгивая в движении.

Сегодня понедельник, а значит, что снова будет урок физкультуры. Я нигде не могу найти Лондон, поэтому сама отправляюсь в раздевалку. Лори там не оказывается тоже. Переодеваюсь в футболку и шорты, надеваю кеды, завязываю волосы в хвост так, чтобы не было видно шрама, и сажусь на скамейку, ожидая подругу. Здесь пусто, потому я просто просматриваю веб-страницы в своем мобильнике.

В помещение входят две длинноногие девушки и осматриваются. Мне приходит эсэмэска от Лондон: «ТЫ ГДЕ?» Я отвечаю: «В раздевалке, а что?» Через пару секунд мне приходит ответ: «ВАЛИ ОТТУДА МИГОМ».

– Ты Эмили? – спрашивает меня блондинка.

В раздевалку заходят еще две девушки. Одна застревает в дверях, и я узнаю её – это же Лейла! Заметив меня, она опустила голову, потупив взгляд, и зашла вместе с остальными.

– Ты что, глухая? – спрашивает другая длинноногая, она брюнетка.

Тут я обращаю на них внимание. Худые, напыщенные, одетые в брендовую одежду. «Ясно, – думаю я про себя, – очередные mean girls». *

– Нет, я вас прекрасно слышу, – говорю я.

– Так ты Эмили? – спрашивает та, что была первой.

– Да. А что?

Она резко хватает меня за хвост и тащит в середину зала.

– А то, что ты не с теми связалась, Эмили!

Я вырываюсь, пытаюсь ударить эту девушку, но кто-то бьет мне под коленку, и я падаю.

– Я вас даже не знаю! – кричу я.

Девушка не ослабляет хватку, мои волосы растрепались, но никто еще не заметил моих увечий. Она намотала мои волосы на кулак и потянула на себя. Я резко подняла голову от боли. Девушка схватила меня за подбородок и, не отпуская, волос, заглянула мне в глаза.

– Запомни, Брэдли Уайат – мой и только мой, – шипит она.

– Это мы еще посмотрим, – язвлю я. Не в моих привычках уступать кому-то или оправдываться.

Она снова тянет меня за голову и идет куда-то в сторону. Я пытаюсь приподняться, но невольно следуя за ней. В раздевалке никого – только еще четыре девушки, которые молча наблюдают за дракой.

– Я спрашиваю еще раз, ты поняла, что Брэд лишь мой?!

– Иди к черту, истеричка! – Я плюю ей в лицо.

Девушка визжит и еще больше гневается:

– Ах ты, сучка! – повизгивает она и со всей силы ударяет меня головой об лавочку.

Я хватаюсь за голову, мне чертовски больно, не замечаю, как слезы льются из глаз.

– Она ваша, дамы, – произносит блондинка и, отпустив меня, отходит в сторону.

Закрываю голову руками, чтобы не получить еще ударов. Сначала боль пронзает мою спину – и я изгибаюсь. Затем живот – я сворачиваюсь клубочком. Затем снова спина, руки, ноги. Я пытаюсь держать оборону – ноги к локтям, руками закрываю голову. Молю, лишь бы меня не били по голове. Девушки пинают меня, избивают и смеются.

В стороне за всем наблюдает их предводительница и еще одна. Та, что не решилась, меня ударить – кучерявая блондинка со смуглой кожей.

Мои глаза застлала туманная пелена боли. Кто-то снова пнул меня под коленку, а затем мне заехали по лицу. Нос пылает новой волной боли. Все смешивается: смех, кровь и слезы, удары, слова, дыхание и бездыханность. Я кашляю снова и снова, кашель раздражает горло, на губах вкус крови. «Тебе нужно дышать», – умоляю я себя и снова захожусь в новом кашле. Отхаркиваю на пол слюну – она красного цвета. В голове царит хаос, даже боль уходит на второй план, я чувствую, как внутри что-то растет, или лопается, или толкается. Все путается – где нога, где рука. Я не помню.

Меня пробуждает крик. Я не умерла.

– Эмили! Мой бог... Эмили, очнись!

Приоткрываю глаза и вижу яркий-яркий свет. Надо мной нависла Лорен и Трент. Лондон помогает мне приподняться и достает из сумки влажные салфетки, подает их мне.

– Ты меня так напугала, – говорит она. – Это сделала Стейси, да?

Я харькаюсь в салфетку, затем беру еще одну и вытираю засохшую кровь со своего подбородка. Смотрю на то место, где меня избивали – лужа крови растеклась и размазалась по кафелю. Пытаюсь что-то сказать, но горло пронзает боль.

– Не спрашивала её имени, – хрипло произношу, пытаюсь унять боль.

– Высокая, блондинка, длинные волосы, мини-юбка в клетку, туфли на каблучке и футболка с вырезом, открывающая большую грудь, – диктует Лондон.

Я киваю. Нет сил на то, чтобы говорить.

– Вот же хренова стерва, – произносит Трент и уходит.

Лондон помогает мне встать на ноги, берет пакет с моей обычной одеждой и провожает меня в душевую. Я кое-как стою на ногах, но, тем не менее, снимаю с себя одежду и встаю под холодные струи воды. Мне не холодно. Мне больно. Слезы горячат щеки и стекают по подбородку на пол, по носу в рот. Я не выдерживаю и снова ломаюсь. Сажусь на плитку, поджимаю к себе колени и тихо рыдаю.

Лондон обнимает меня за плечи и помогает помыться, её одежда промокает насквозь. Я смотрю на свое тело: оно все в фиолетовых синяках и бурых кровоподтеках. Мы одеваемся. Я надеваю повседневную одежду, подруга – спортивную. Затем сидим на скамейке и ожидаем, когда закончится урок. Мне становится легче, но в голове все еще вакуум. Я не могу думать.

– Ну, как ты? – спрашивает она.

– Издеваешься?

– Нет. Я имела в виду, идти сможешь?

– Ага. – Я кивнула.

На перемене мы вышли в коридор и, пройдя метров десять, остановились передохнуть. Лондон села на подоконник, я уселась на пол, на свою сумку. Мне нехорошо. Я чувствую, как желчь подкатывает к горлу. Меня тошнит. Слышу, как Лондон спрыгивает с подоконника и поспешно куда-то идет.

– Стерва! – грубо произносит она, и я слышу хлопок.

Поднимаю глаза. Одна из девушек, которые были в раздевалке, брюнетка, стоит с открытым ртом, прижав руку к покрасневшей щеке.

– Сволочь! – продолжает Лондон и въезжает блондинке, Стейси, кулаком прямо в нос.

Стейси снова визжит, как когда я в неё плюнула, и хватается за свой нос. Лори хорошо ей заехала, у неё идет кровь ручьем! Все в коридоре смотрят на Лондон и двух mean girls и ожидают, когда же начнется драка. На визг Стейси из ближайших кабинетов выбежали учителя и начали разборки:

– Что здесь происходит?

– Это ненормальная напала на меня и Стейси! – жалобно говорила брюнетка. Еще чуть-чуть и зальется слезами.

– Ложь! – гневно бросает Лондон.

Она пытается вновь ударить темноволосую, но её за руки хватается физрук. Подруга вырывается, но у учителя хватка хорошая.

– Уоррен, Лоуренс, Мак-ки, немедленно успокойтесь или вылетите из школы! – произносит учительница. Я с ней не знакома, возможно, она вообще у нас ничего не ведет.

В толпе появляются Трент и Брэд. Они подбегают к учителям и, округлив глаза, смотрят на происходящее. Брэд подходит к Стейси и усмехается ей в лицо:

– Мы. С тобой. Никогда не будем вместе. Все кончено, Стейс. Ты поняла?

Стейси, подняв гордо голову, отворачивается, заливаясь слезами и что-то бормочет себе под нос.

– Где Эмили? – спрашивает Брэд.

Лондон кивает в мою сторону. Все зрители этого происшествия, в том числе и учителя, обращают своё внимание на меня. Я сидела, обхватив колени, и наблюдала за ними, а теперь все наблюдают за мной. Брэд с сожалением улыбнулся мне и помахал рукой. Потом не выдержал и направился ко мне.

Я удивилась. Мигом поднялась по стене, схватила сумку с пола и пошла ему на встречу. Но я ничего не рассчитала. В глазах темнеет, голова кружится. Звуки отдаются эхом. Слабость в ногах. И я падаю. Чувствую лишь, что меня подхватывают знакомые руки. Ничего не понимаю, мозг будто отключился, словно кто-то нажал на кнопку «ВЫКЛ». И темнота поглотила меня.

*Комментарий к главе
mean girls* – «школьные пизжонки» из богатых семей.*

Девять

Смерть потихоньку наступает мне на пятки. Она поджидает меня за углом, караулит. Все происходит сейчас, взаправду. Меня поглощает темная дыра, неизвестность, небытие. Я не успела. Я не выполнила почти ничего из того, что хотела. Меня не будут помнить, ко мне не придут на панихиду, не будут плакать и вздыхать спустя месяцы. Меня забудут как старого пса или кошку. Все умирают, и это неизбежно.

Я слышу, как стону, как вздыхаю. Не хочу это слышать. На меня смотрят сотни глаз. Нет, я ошиблась. Доктор перешептывается с медсестрой, та пытается говорить со мной. Кристи бросает безысходные взгляды на доктора, на моего отца и на мать. И тут я задаюсь вопросом: а что они тут делают? Но сил нет спросить. Если бы я могла, я бы уже давно закричала, залилась в ужасе, требовала бы, чтобы они ушли. Но я не могу. Да и мне уже как-то все равно. Они тоже обязаны знать.

Я не хочу умирать. Только не сейчас. Я не готова. Не сейчас.

Лондон приносит мне цветы, она ставит их в вазу, стоящую на тумбе. Я чувствую, как они пахнут, но не могу сказать «спасибо».

– Почему она молчит? – спрашивает подруга.

– У неё шок, – отвечает медсестра.

– И долго она так будет?

Молчание.

Я стараюсь хвататься за кусочки памяти. Горячие поцелуи. Холодный горох. Солёные слезы. Слова. Небо. Розовые птицы или... нет, розовое небо. Смешные тараканы. Холодная боль. Умное сердце. Я все путаю. Я пытаюсь вспомнить, но не могу. Я падаю.

Я снова просыпаюсь. Но на этот раз я чувствую, как во рту все печет от моего крика. Я кричу. Я, правда, кричу.

Мама и Кристи резко просыпаются от моего крика. Они держались за руки все это время. Медсестра вбегает в мою палату и вкалывает в капельницу морфин, крутит колесико, подавая мне дозу. Я вижу, как папа мнетя у двери, он ходит туда-сюда, заглядывая в палату и проверяя, как у меня дела. Ловлю его взгляд. Вбегает доктор.

– Вы говорили, что ей не будет больно! – волнуясь, говорит Кристи.

– Я ошибся. Все хуже, чем мы думали, – отвечает доктор Фитч.

Мне хотелось спросить, что он имел в виду, но обезболивающее мигом действует, и я растворяюсь в своей боли.

Когда я просыпаюсь в третий раз, то Лондон дремлет в кресле. Родителей нет рядом. Сестра смотрит куда-то в окно.

– Воды, – хрипло выдыхаю я.

Кристи резко оборачивается, теревит Лондон за плечо и подбегает к моей койке. Нажимает на кнопку срочного вызова медсестры и доктора. Лондон выходит из палаты и ищет кого-то. Дверь захлопывается.

– Эмили! Эмили, все хорошо, все будет хорошо. – Кристи гладит меня по голове и убирает с лица волосы, стирает капельки пота со лба, сжимает мою руку.

– Воды, – снова повторяю я.

Кристи бежит к двери и говорит моей подруге как можно скорее принести воды, та кивает и убегает прочь. Сестра снова подсаживается к нам.

– Ты нас очень напугала, – произносит. Она рисует на моей ладони бесформенные круги большим пальцем.

Лондон возвращается со стаканом воды и персоналом больницы. Я быстро осушаю стакан и прошу еще, но доктор запрещает.

– Для начала этого достаточно, – говорит он Лондон. – Эмили, вы меня слышите?

Я пытаюсь что-то сказать, но голос хрипит, слова застревают.

– Эмили, попробуйте хоть что-то сказать, – требует он.

И я пробую:

– Я хочу еще воды, – проговариваю.

– Отлично! – радуется он.

Спустя полчаса мне наконец-то приносят воду. Я её выпиваю и пытаюсь сесть на кровати, что выходит очень неловко, но через несколько попыток у меня получается сесть. Лондон, сняв ботинки, забралась ко мне в кровать, чтобы согреть. Я нежилась в её теплых объятиях. А затем пришли мои родители, я видела их, они стояли за дверью, не решаясь войти в палату и посмотреть мне в глаза.

– Что они тут забыли? – спрашиваю я у Кристи.

– Я их позвала, – отвечает мне сестра.

– Они знают?

– Да.

Я не могу разобраться в своих чувствах к ним. Я словно разделяюсь пополам. Одна часть меня их ненавидит и винит во всем произошедшем, в том, что я заболела. А другая говорит, что опухоль жила во мне всегда, и рано или поздно я должна была заболеть; просто обстоятельства так сложились, и ей дали толчок к развитию.

– Ты не восстанавливалась в институте, так? – спрашиваю я сестру, надеясь узнать правду, о которой подозреваю.

– Нет, я восстановлена.

– Но все время, когда ты уходила надолго, ты была у родителей?

– Была, – отвечает она.

Лондон крепче меня стискивает, боится, что я разозлюсь или что-нибудь выкину, наверное.

– И как долго ты к ним ходишь?

– Весь месяц, начиная с августа.

Я застываю на месте. Целый месяц мои родители знали обо всем, но пришли меня проведать лишь тогда, когда подумали, что я могу умереть.

– Расскажи все, – требую я.

Кристи замаялась, но все равно начала рассказ:

– Когда я пришла в первый раз, отец был пьян в стельку. Я рассказала все матери и потребовала, чтобы она больше ни разу в жизни не давала ему выпить. Она рыдала, когда поняла, что потеряет и второго ребенка. Спустя неделю я пришла снова. Отец не пил всю эту неделю, потому что наша мать заперла его в комнате. Не знаю, как он не выбил дверь. Он был трезв, и я начала свой рассказ. Под конец я услышала, как он рыдал. Отец сказал, что это он во всем виноват. И затем я ходила к ним каждую неделю. А на прошлой неделе... – она остановилась, – на прошлой неделе я хотела устроить ужин, примирительный. Но в пятницу ты ушла. А в понедельник...

Я знаю, что в понедельник. Я представила, что им позвонили из школы, сказали, что меня забрали в больницу. А они, мама, папа и сестра, как самая дружная семья, гурьбой понеслись ко мне.

Заходит доктор, спрашивает про моё самочувствие, задает куча других вопросов по форме, а затем произносит:

– У меня есть кое-какие новости. Думаю, стоит позвать ваших родителей.

– Нет, – резко говорю я.

– Хорошо. – Он берет пластиковый стул, подвигает к кровати и садится на него. Я внимательно слежу за его действиями, он долго ёрзает на стуле, прежде чем вновь начать говорить.

– Я знаю, это сложно принять, но события развиваются быстрее, чем мы предполагали.

– События? – переспрашиваю я.

– Да. Эмили, вам стало хуже. И будет становится еще хуже.

Эти слова в меня впиваются, как когти.

– И насколько все плохо? – спрашиваю.

– Скажем так, я бы посоветовал вам начать делать все, что заблагорассудится.

За окном вскрикивает птица. Небо черное. Будет гроза. Клен протягивает свои иссушенные ветки к моему окну. Сколько я еще протяну – неизвестно. Но осталось явно не так долго, как я думала раньше. Оглядываю палату – доктора уже нет.

– А какое сегодня число? – любопытствую я.

– Двадцать второе сентября, – отвечает Лондон.

Восемьдесят один день. Я прожила уже восемьдесят один день.

Бросаю взгляд на дверь. Мне так жаль их.

– Пусть они войдут, – говорю я, и сестра приглашает моих родителей войти.

Они встают у моей кровати, как чужие. Смотрят на меня в упор. Я вижу, как покраснели глаза у отца. Они оба сразу же постарели лет на десять. Зову их, мама берет меня за руку, а папа разрыдался. Чувствую, как Лондон выпрыгивает из постели.

– Ты не виноват, пап, – говорю я и жестом приглашаю его сесть.

– Нет, нет, ... лишь я... – лепечет он себе под нос.

– Ты не виноват, только не ты. Так и должно было случиться – это всегда было у меня внутри.

– Если бы я внимательнее следил за тобой, за Томом, ... за вами обоими...

– Пап, обними меня, – говорю я.

Но папа не отвечает. Он лишь безутешно рыдает, моля меня простить его. Закрывает лицо ладонями, его руки дрожат, я это вижу. Его плечи поднимаются и опускаются в тихом плаче.

Мне его так жаль. Я не хочу смотреть, как он страдает.

– Пап, ... – начинаю я, – как знать, может, если ты обнимешь меня, то все пройдет. Я снова окажусь маленькой девочкой, любившей кататься у тебя на спине. Снова буду здорова. И я не умру.

Он посмотрел на меня блестящими глазами и сказал глухим голосом:

– Было бы здорово.

– Тогда я закончу все двенадцать классов, сдам экзамены, буду отличницей, поступлю в университет, как Кристи. Освою свою профессию, найду работу, выйду замуж, и когда-нибудь у меня появятся дети.

Я внимательно смотрю на него, его взгляд немного затуманен, наверное, он все это представляет.

– Ты станешь дедушкой, будешь любить своих внуков, всех внуков: и Тома, и Кристи, и меня. Ты будешь их баловать, как и должен поступать каждый дедушка, учить рыбалке, рассказывать сказки на ночь. Когда-нибудь кто-нибудь из них спросит: а как ты познакомился с бабушкой? И ты расскажешь. Ты будешь описывать все так, словно это произошло вчера. Будешь говорить о том, как увидел её и сразу понял, что теперь твоё сердце принадлежит только ей. А затем расскажешь о свадьбе, о том, как родился Том, затем Кристи и я. Будешь рассказывать, как мы шалили в детстве, чем любили заниматься, расскажешь все-все наши секреты. И твои внуки будут постоянно хихикать над своими родителями, заслушиваться твоими рассказами, просить тебя, чтобы ты им рассказал все снова и снова. Они будут любить тебя больше всего на свете. Мы каждый уикенд будем приезжать к тебе, а потом перестанем.

– Почему? – спрашивает отец.

– Потому что однажды, в самый солнечный и теплый день в мире, я приеду, увижу, что мамы нет, и подумаю: она, наверное, снова пошла на рынок, а ты чем-то занят или снова всю ночь пытался отремонтировать телевизор и устал. Поднимусь на второй этаж, в вашу спальню, и увижу, как ты мирно спишь. Возможно, даже рассмеюсь этому. Но приглядевшись, я замечу твои синие губы, прикоснусь – а ты весь холодный. До меня не сразу дойдет, что ты умер. Я буду все отрицать, плакать, но смотря на тебя и на то, как ты улыбаешься во сне, пойму, что тебе хорошо, и ты ушел в лучший мир.

Я вижу, как у всех, кто находился в палате, в глазах сверкают слезы. Мой рассказ тронул их души. Мама достает платок из кармана джинсов и вытирает им свои слезы.

Папа внимательно смотрит на меня, уголки его губ чуть-чуть приподняты, из глаз тоже катятся слезы.

И я тихо произношу:

– Ты умрешь. Раньше меня. Раньше Кристи. Раньше Тома. Как и должно быть.

Часть четвертая «This sweet revenge»

Десять

– Кристи, я не буду посещать группу поддержки! – возмущаюсь я и развожу руками. Стоя в пижаме в дверном проеме с кружкой кофе, я собиралась снова зарыться в одеялах и простынях и уснуть. Просто уснуть.

– Эмили, у тебя депрессия после последнего происшествия. Ты уже целую неделю пропускаешь занятия. – Кристи так и норовит схватить меня и потянуть за собой, вниз по лестнице.

– Нет у меня никакой депрессии, – насупившись, приговариваю. – Обычные головные боли – симптомы влияния опухоли, доктор ведь рассказывал об этом, – говорю.

С тех пор, как Кристи завела этот разговор, мы все ругаемся и ругаемся. Она уверена, что группа поддержки мне сможет помочь, я же считаю, что это пустая трата моего времени. С тех пор, как меня снова выписали из больницы, я лежала дома пять дней с непрекращающейся головной болью. Не скажу, что она была очень-таки сильной, но терпеть её изо дня в день было невыносимо.

Уже завтра второе октября – девяносто первый день моего счета.

Итак, второй пункт в моем списке уже выполнен, но первый так и висит в воздухе. Мне нужно придумать, как же оставить собственный след на этой планете. Оставить так, чтобы люди могли помнить меня еще долгое время после моей смерти.

– Эмили, ну, пожалуйста, сходи хотя бы на одно занятие, – умоляла Кристи. – Если тебе не понравится, то ладно, хрен с ним. – Пожала плечами.

– Что ты сказала? – удивилась я.

Я, конечно, понимаю, что «хрен» – это не ругань, но я редко когда слышала, чтобы моя сестра хоть как-то грубо выражалась.

– Что? – переспросила она.

– Да нет, ничего, – произнесла я и подумала, что на одно посещение можно и согласиться. – Хорошо, я схожу хотя бы один раз.

– Прекрасно! Тогда собирайся. – Кристи улыбнулась и, мотнув головой, радостно понеслась – чуть ли не поскакала – на меня.

– Чего?! – удивляюсь. О чём идёт речь?!

– Сегодня среда, занятия проходят по средам. – Она подталкивала меня к своей комнате, чтобы я скорее начала собираться.

– Значит, ты специально завела этот разговор сегодня! – возмутилась я.

– Одевайся! – И Кристи закрыла дверь в мою комнату.

Делать было нечего. Я быстро натянула на себя джинсы и футболку, мы спустились вниз и ждали такси. Куда мы направлялись, я толком не знала, Кристи всем заправляла, но остановились мы у одного кафе.

– И что, здесь все происходит? – спросила я, оглядевшись по сторонам.

Обычная улица со своими маленькими магазинчиками, со своими нет-ни-до-кого-дела прохожими, со своими котами и цветами, окрашенная в коричнево-желтые тона, которые словно бы говорят об осени. Подвязанные ленточками молодые деревья, только-только посаженные. Увядшие цветы в клумбах. Цветущие – на окнах. Тихий шелест опавших листьев под ногами.

– Ну, почти, – произнесла сестра и указала пальцем вниз.

Рядом с кафетерием была какая-то лестница, ведущая на нулевой этаж, а сверху болталась вывеска с облупившейся краской.

– В подвале? – У меня глаза на лоб полезли.

– Не сердись, я узнавала, здесь хороший специалист, – оправдывалась она.

Сестра отошла на несколько шагов, похлопала меня по плечу и толкнула вперед, сказав, что будет следить за мной, чтобы я не сбежала. Я отмахнулась, спустилась по лестнице и, открыв дверь, увидела, что не все так плохо. Помещение было просторным и светлым. По кругу были расположены стулья. В дальнем углу комнаты виднелось фортепиано. На полу стояли горшки с цветами. Здесь даже книжный шкаф был с креслом-качалкой.

– Проходи, садись на любое свободное место, – сказал мужчина средних лет.

Он был приятной внешности и казался славным. Маленькие круглые очки и залысины на голове не старили его, а придавали солидности, что ли. В руках он держал книжку и внимательно читал её.

– А можно в кресло? – спрашиваю я и кивком указываю на кресло-качалку.

– Ну, пока все не пришли, то да, можно. Но затем ты сядешь в круг, хорошо?

– О'кей.

В помещении почти никого не было: только я, наш психолог-тренер, его книга и еще одна девушка. Она тихо сидела за фортепиано и поглаживала клавиши, боясь потревожить тишину зала.

Я села в кресло и начала медленно качаться. На часах без пятнадцати пять. Тренинг должен начаться ровно в пять. Снова взглянула на девушку, та смотрела на инструмент с такой любовью, с таким благоговением, словно она всю жизнь мечтала сыграть на нем, а тут он уже перед ней.

– Сыграй же, – сказала я ей.

Девушка посмотрела на меня, улыбнулась и произнесла:

– Правда?

– Да, почему бы и нет, – ответила я.

И девушка начала играть. Музыка лилась из под её тоненьких пальцев. Она перебирала белые клавиши, черные, снова белые. Я не знаю, как это назвать, ведь я ничерта не соображаю в музыке, но то, как играла эта девушка, было великолепно. Мелодия, которую она играла, манила меня, зазывала к себе. И я, не удержавшись, подошла к девушке, встала рядом и следила за каждым движением её рук. Когда девушка закончила играть, я восхищенно хлопала ей в ладоши, а затем мой душевный порыв подхватили и остальные – я только сейчас заметила, что зал заполнился людьми – зрители. Девушка раскраснелась и смущенно произнесла:

– Спасибо.

– Я – Эмили, – говорю и протягиваю девушке свою руку.

– А меня зовут Ив. – Она отвечает на мое рукопожатие.

Я её рассматриваю. Она очень красивая. У неё длинные черные волосы, карие глаза, розовый румянец на щеках, тонкие губы. Ив замечает то, как я её рассматриваю, и еще больше краснеет. Когда Ив улыбается, у неё появляются ямочки на щечках.

– Ну, что, господа, давайте начинать? – говорит наш психолог.

Все рассаживаются по своим местам, ну, а я сажусь на свободное и начинаю внимательно слушать. Наш руководитель представляется:

– Меня зовут Стефан Кэрроуэй, – начал мужчина.

И он рассказывал о том, как у него обнаружили лейкоз, как сначала он было подумал, что все – это конец. А врачи говорили, что всегда есть шансы. И вот ему этот шанс выпал! Его пичкали таблетками, водили на химиотерапию, проводили люмбальную пункцию. И в итоге, врачи сказали, что он выживет, рак побежден. Стефан говорил обо всем этом с такой интонацией, словно он бессмертен, словно он – это какое-то достояние. Хотя, возможно, так и есть.

Не каждому дано пережить рак. Затем Стефан говорил, что нужно верить в Бога, что он услышал его мольбы и помог ему.

– Пожалуй, Бог умер, – вырвалось у меня.

– Представься, пожалуйста, – проговорил руководитель.

– Э-э-э, – протянула гласную я, а затем добавила, – я не знаю как.

– Хорошо, тогда ты, после того, как все расскажут свои истории, объяснишь нам свою точку зрения, ладно?

– Ага.

И тут пошла эта цепочка. Сначала, как я поняла, говорили те, кто посещает группу дольше всего, а затем цепочка потихоньку продвигалась. Все было по особенной форме: имя, возраст, диагноз, – когда его поставили, что случилось – прогнозы и настроение. Ив была где-то посередине. Она рассказала свою историю про то, как в двенадцать ей поставили диагноз: лейкоз. Как она усердно боролась с ним, как радовалась, когда была ремиссия, как огорчилась, когда ей поставили новый диагноз: острый лимфобластный лейкоз. Из всего её рассказа я поняла вот что:

1) борется она с раком очень-очень долго, и

2) она все еще не потеряла надежду.

Затем снова идут рассказы других людей, они меня совершенно не привлекали, скучные, потерянные. Я, наверное, такая же, и потому не хочу впадать в еще большее уныние. И тут очередь доходит до меня:

– Меня зовут Эмили. Эмили Беннет. Шестнадцать. Неоперабельная и быстро развивающаяся в моей голове глиобластома. Диагноз поставили, ... – замялась я, – да не знаю, когда поставили, сама я все узнала девяносто дней назад.

У них у всех были такие унылые лица, потому мне захотелось чуть-чуть пошутить, чтобы их расшевелить:

– Я, судари, изволила совершить акт суицида, получила много «хороших» травм, от чего лежала в больнице почти полгода, и заодно злокачественную опухоль мозга.

Но никого мои слова не рассмешили, одна только Ив легонько усмехнулась, но, как и все остальные, широко раскрыла свои глаза от удивления. Конечно, они все усердно борются за жизнь, а я хотела с ней вот так просто расстаться. Затем мне нужно было сказать о прогнозах:

– Ну, прогноз у меня не утешительный. Мне говорили, что я смогу пожить еще год или полтора. Но недавно произошло ухудшение, и сейчас я даже не знаю, сколько мне осталось.

На весь зал раздалось жалобное «Ох!». Конечно, не я одна в такой ситуации.

– Настроение – просто зашибись! – произнесла я с сарказмом в голосе.

– Спасибо за вашу историю, Эмили. А теперь объясните своё замечание, пожалуйста, – потребовал Стефан.

– Ну, я думаю, что Бог мертв.

– Почему ты так думаешь? – Руководитель перешел со мной на «ты».

– Смотрите: в Африке дети умирают от голода, там же происходит распространение смертельной болезни, погубившей уже тысячи жизней; возможно, в Европе совсем скоро начнется война – брат воюет с братом; ежегодно миллионы людей умирают не только от рака, но и от других болезней. Люди губят друг друга. Болезни губят людей. Мир умирает. Что это, смешная шутка вашего Бога? Или ему просто все равно?

– Хорошее замечание. Но, может, стоит в него просто верить? – говорит Стефан.

– Для чего? – спрашиваю я его.

– Если бы все человечество верило в него, то, возможно, мы могли бы избежать всех этих бед.

– А болезни? – настаивала я.

– Я не знаю всех ответов, Эмили. Я просто предполагаю. – Он снял с носа свои очки и надавил пальцами на переносицу. У него явно мигрень.

Я кивнула ему, соглашаясь с его словами. Мы все можем только предполагать.

Затем все друг другу чего-то желали, даже самим себе. Они говорили о борьбе, о победе, даже о смерти. Кто-то делился, что он из-за онкологии потерял слишком много в весе, но ведь это есть у всех, у меня тоже. Я просто слушала и смотрела на всех, они со мной не знакомы и, наверное, после моего рассказа не хотят со мной знакомиться, но мне все равно. Никто не обращал на меня внимания, одна только Ив.

– Меня впечатлила твоя речь, – говорит она. – Порой некоторые из нас слишком ослеплены надеждой и несбыточными мечтами о нормальной жизни.

– А ты нет? – спрашиваю я.

– Острый лимфобластный лейкоз почти не лечится, – спокойно говорит она. – Хотя я, конечно, продолжаю верить в свой малюсенький процент на выздоровление, ведь может случиться все.

– Угу, – произношу я.

Я даже не заметила, как прошли наши полтора часа. Мне понравилось говорить с Ив. Она вся искрится надеждой. Она похожа на искорку, на одинокую звездочку в ночном небе. Мне показалось, что если я буду общаться с ней, то, может, смогу также полюбить свой остаток жизни.

– Ну, что, спасибо всем, что пришли, – заключает Стефан. – Увидимся в следующую среду в то же время.

И мы все произносим: «До встречи».

– Не хочешь куда-нибудь сходить? – предлагаю я Ив.

– А куда? – смущается.

Я замечаю, что она очень стеснительная. На любой вопрос, обращенный к ней, или просто на любое внимание она отвечает смущением.

– Ну, в кафе, например. – Пожимая плечами.

– Я бы с удовольствием, но у меня нет с собой денег.

– Ничего, – отмахиваюсь я. – Поехали ко мне домой, я возьму деньги и заодно тебе кое-что покажу.

Мне вдруг захотелось показать Ив мои стихи. Те самые, которые я должна была писать для Эллис. Я никогда не раскрывала свои тайны и увлечения первому встречному вот так запросто, но ей мне захотелось открыться.

– Да ну, мне неудобно, – произносит она.

– Иде-е-е-ем, – протягиваю я и протягиваю её руку. – Меня все равно сестра, наверное, ждет.

– У тебя есть сестра? – удивляется девушка.

– Идем со мной, и я тебе все расскажу, – говорю.

И Ив подает мне свою руку.

Мы выходим из помещения и поднимаемся по лестнице. Кристи ждет меня у такси, она приветственно нам машет.

– Эй, привет, – здоровается сестра.

– Знакомься, это Ив. – Я усаживаюсь в такси.

– Привет, – произносит Ив, садясь рядом.

– Ты с ней познакомилась, да? – Я киваю. – Вот видишь, я же говорила, что тебе нужно посетить это занятие! – Кристи буквально вся светится от радости.

– Мы с Ив хотим пойти в кафе, только сначала домой заскочим, я кое-что возьму. Ты не против? – спрашиваю я.

– Нет, конечно, веселитесь, – сказала Кристи и назвала таксисту адрес нашего дома.

– Отлично!

Мы поехали. Ив улыбалась своим новым знакомым. Я была рада и потихоньку заряжалась надеждою девушки. Может быть, если я буду проводить с ней чуть больше времени, я смогу также искриться.

Одиннадцать

– Ты когда-нибудь ела яблоки в карамели? – спрашиваю я Ив, просматривая меню.

Мы сидим за столиком у окна в кафе, которое находится рядом с местом проведения заседаний группы поддержки. Здесь играет приятная музыка. Интерьер очень красивый и уютный, так и хочется остаться здесь жить. На подоконниках стоят горшки с цветами, на стенах – многочисленные картины и предметы детского искусства: забавные рисунки, подделки, раскрашенные фигурки из теста; на окнах – полосатые занавески, придающие ощущение ретро-времен. Персонал очень дружелюбный и приветливый – это замечаешь сразу же, какходишь в кафе.

Окно, возле которого мы расположились, небольшое, словно сделано по сюжету сказок, но из него было видно многое: узкая улочка, велосипедисты, прохожие, заглядывающие в окна.

Официантка на стекле, предназначенного для вывески блюда дня, приписывала маркером вечернюю акцию на напитки.

– Да. В детстве очень часто ела, я их так любила, – отвечает девушка.

– А сейчас? – любопытствую.

– Нет. Уже давно их не пробовала, – немного грустно, но довольно легко отвечает мне Ив.

– А я вот никогда не ела карамельные яблочки, – сообщаю я ей.

– Они очень вкусные. – Мне нравится, как улыбается Ив, потому что в этот момент её глаза блестят каким-то новым для меня светом. Словно бы её улыбка дарит теплоту и надежду.

– Почему бы тебе не заказать тоже?

– Мне нельзя сладкого, – говорит Ив и хмурится.

– Слушай, – медлю, подбирая слова, – а ты хочешь, ну, ощутить их вкус снова?

Девушка кивает, а затем произносит:

– Да, вот только по моей «диете» мне их нельзя.

Я подаю корпусом вперед и немного приближаюсь к Ив, сидящей на противоположной стороне, прячу рот за ладонью, как бы собираясь выдать свой самый большой секрет, и тихо говорю:

– А, может, к черту эту диету?

– В смысле? – Она моргает и смотрит на меня, недоумевая.

– Понимаешь, когда я узнала, что у меня нет шансов, то я составила список вещей, которые я должна сделать до смерти. – Откидываюсь назад и пожимаю плечами.

Наверное, Ив не понимает, к чему я это говорю, и потому я продолжаю:

– Наша жизнь коротка. Может быть, стоит от неё взять все? Хотя бы попытаться ощутить себя живым, если у нас не выйдет. Попробовать все то, чего мы были и будем лишены в будущем.

Ив недолго думает и кивает в знак согласия:

– Да. И мне закажи тоже карамельное яблоко. – Она берет меню и начинает просматривать его. – И колу. Я давно хочу попробовать, какая она на вкус, я ведь уже и не помню. – Затем она кладет его на столик и часто-часто моргает, смотря на меня. С её губ ни сходит улыбка.

Когда нам все принесли, то мы вместе стали вгрызаться в яблоки. Это было так забавно. Запеченные, политые карамелью яблочки были такие вкусные. Сок струился по подбородку, когда я кусала яблоко. Мы смеялись этому, подавали салфетки, отхлебывали колу друг у друга, ведь чужая кола намного вкуснее.

– И большой у тебя список? – спрашивает Ив.

– Угу. Некоторые вещи в нем можно сделать даже сейчас, они такие простые, что тебе, наверное, захотелось бы рассмеяться, услышав их. Они кое-где наивны и глупы, но я никогда не пробовала их совершить, хотя мне хотелось бы.

– А почему не пробовала раньше?

– Не знаю, – отвечаю я. – Я чего-то боюсь.

– М-м-м, – протягивает собеседница.

– Вот тебе хотелось бы чего-то больше всего на свете? Какое твое желание было бы? – интересуюсь я.

Ив допивает свою колу и произносит:

– Я всегда хотела петь где-нибудь на публике, чтобы меня услышали, чтобы услышали мой голос. – Она пожала плечами. – Это, наверное, глупо, да?

– Нет, вовсе нет. Это у меня глупые желания.

– Например?

– Ну, совсем недавно я притворялась своей подругой Лондон. В смысле, мы не поменялись местами или что-то подобное, я просто вела себя точно так же, как она. – Я пальцем надавила у виска, спускаясь вниз по щеке и поднимаясь вновь. Нет, у меня не болела голова, скорее, это движение я делала от некоего смущения.

– Зачем? – интересуется Ив.

– Мне просто было интересно, как это быть Лондон. У неё довольно насыщенная жизнь. Она умеет жить и быть живой.

– Жить... – вторит девушка. – А что ещё? – спрашивает Ив.

– Хочу оставить после себя след на этой планете. – Вновь пожимаю плечами. – Кстати, на счет этого: я подумала, что ты можешь оценить мои строки. Меня недавно попросили написать текст песни, он немного сыроват, – я доделаю – но уже вроде неплохо, – произношу я и достаю книгу из сумки, которая лежала рядом со мной.

Я раскрываю её, достаю спрятанные меж страницами листики и подаю один из них Ив, чтобы она прочла это. Ив начинает читать вслух:

– Куда ты ушла?

Куда ты ушла, моя тайна.

Ты оставил меня одну.

Ты оставит меня утонуть в несчастье.

Я не чувствую ничего.

Я не могу ничего чувствовать, кроме воспоминаний.

Итак, где же ты сейчас?

Почему ты захотел оставить меня?

Иди спать в облака и в мечты.

Твой свет все еще освещает меня,

Он скрывается внутри,

Собирая мою израненную душу по кусочкам.

Ив подняла на меня глаза, в них был виден немой вопрос: «О чем это ты?», но она продолжила читать:

*– Потому что часть меня ушла, Половина меня пропала. Половина меня покинула
Половина меня... ушла.*

– О ком это ты писала? – спрашивает она, наконец.

– Позже. – Отмахиваюсь. – Дочитай до конца.

Ив кивнула и снова принялась за чтение:

*– Ты завладел моим сердцем
Ты забрал себе часть меня.
Ты оставил меня в одиночестве.
Ты сделал меня и мою душу такой несчастной.
Потерянный мир.
Мне нужно найти способы, как же быть теперь.
Когда ты ушел,
Когда ты позволил мне вспомнить о страхе,
Тогда он и вернулся.
И перед тем, как разбить мне сердце,
Ты был самым лучшим для меня.
Но сейчас часть меня ушла,
Часть меня покинула
Половина меня пропала,
Половина меня... ушла.
Мальши, пожалуйста, очнись.
Мальши, прошу тебя, вернись ради меня... сейчас.**

Ив прекратила читать, потому что текст закончился, и вопросительно посмотрела на меня.

– Так о ком это? – спрашивает она.

– О моём брате, – отвечаю я.

– А что с ним случилось?

– Он... умер. – Как ни странно сейчас эти слова дались довольно легко мне. И мне не больно. На данный момент мне совершенно не больно. Почему? Потому что рядом Ив? Потому что она так повлияла на меня всего за пару часов нашего знакомства

– Я сожалею, – говорит она.

– Все в порядке, правда. Так как тебе строки?

– Немного недоработано, некоторые строчки непонятны, рифма сбивается, хотя я не знаю, как это будет звучать при музыке, но, в целом, мне нравится, – произносит она и кивает.

– Я спешила. Позже покажу тебе мотив. – Пауза. Собираюсь с мыслями и проговариваю: – Слушай, может, ты споешь её? Для меня. На каком-нибудь фестивале, или конкурсе, или что-то в этом роде.

– Не уверена... – тихо говорит Ив, – к тому же, ты не слышала, как я пою.

– У тебя красивый голос сейчас. Уверена, поешь ты классно!

Затем я забираю этот листик, беру другой и подаю Ив, чтобы она прочла еще одну песню.

– Мне ни найти себе парня, ни пробраться на сцену,

Таким путем, каким я это делаю.

Мне нужно накопить немного денег,

Я – работающая девушка, вы же знаете.

И я буду отгонять от себя внимание и держаться сама по себе.

Я люблю свою комнату, где я привыкла спать.

Некоторыми ночами мне, правда, нравится лежать с открытыми глазами.

Я слышу полуночных птиц, послание в их словах.

Рассвет прикоснется ко мне так, как никогда не мог ни один парень,

Их обещания никогда не значили много для меня.

Вы были предупреждены, что я своевольна.

*Я отставала в школе, писала справа налево.
Учителю всегда было на меня плевать.
Проповедник в молитве за меня сказал:
«Боже, помоги девочке, ей нужна вся помощь, какую только может получить».
Я сижу уже в течение нескольких часов, просто ожидая его телефонного звонка.
Я оставлю шоколад в холодильнике так, чтобы никто его не нашел.
Я буду проигрывать его сообщения, анализируя его интонацию.
Пожалуйста, остановите меня, я даже сама себе надоела уже.
Я думаю о нем, когда мою посуду.
Я думаю о нем, смотря на раковину.
Это не игра слов.
Моя любовь к нему абсурдна.
Если бы он дал мне знак, я бы думала о нем всю неделю.
Составляла бы планы заранее, а затем отвергла бы его.
Вы были предупреждены, что я своевольна.
Я отставала в школе, писала справа налево.
Учителю всегда было на меня плевать.
Проповедник в молитве за меня сказал:
«Боже, помоги девочке, ей нужна вся помощь, какую только может получить»**.*

Ив читала эту песню с улыбкой, а затем, закончив, рассмеялась, словно ненормальная.
– Что я только что прочла? – смеялась она.
– Кусочек меня, – отвечаю я, подхватывая смех девушки, понимая, насколько бредовым мог показаться текст.
– Ощущение, словно ты писала его под наркотиками. – Ив всё ещё заливается смехом.
От её звонкого смеха становится так тепло на душе.
– Настолько все плохо?
– Нет, песня прекрасна, и точна, и веселая, мне нравится. Просто легкая наркомания, – смеется.
– Спасибо. – Я легонечко толкнула её ладонью в плечо по-дружески.
В итоге, Ив начала выделять некоторые моменты в тексте, смеясь над ними, но это был добрый смех, не насмешливый. Мы смеялись вместе над всем.
– Это круто, правда, – говорит она. – Я бы не додумалась до такого.
– Спасибо, но в трезвом состоянии я, наверное, тоже не додумалась бы. Честно, это во всем виноваты таблетки, которые мне выписывают. После них весь мир радужный, и в сон клонит. – Все еще шучу.
– От депрессии, – поясняет она, – мне раньше такие выписывали.
Затем Ив смотрит на часы, допивает еще одну колу и говорит:
– Уже поздно, домой пора.
Я тоже смотрю на время. Уже полдевятого. За окном потемнело, но звезд не видно из-за огней города. Зажглись уличные фонари, от чего небо кажется фиолетово-рыжим.
– Угу, – я киваю.
Мы расплачиваемся и уходим. Я вызываюсь проводить Ив до метро. Мы разговариваем, снова немного шутим по поводу моей песни. Порывшись у себя в сумке, я не обнаруживаю книгу с моими произведениями.
– Черт! – Произношу и закрываю лицо руками.
– Что случилось? – интересуется Ив.
– Я, кажется, оставила книгу в кафе. Нужно возвращаться, – негодую.

– Давай вернемся. – Ив разворачивается и с беззаботной улыбкой уже собирается идти обратно, но я её останавливаю.

– Нет-нет, иди домой, а то твои родители будут волноваться.

– Ты чего, ещё ведь не ночь. – Отмахивается она.

– Я живу ближе, чем ты. Иди, а то вдруг на транспорт опоздаешь. К тому же, мы еще не далеко отошли, я мигом дойду.

– Хорошо. – Ив кивает, прощается со мной, разворачивается и уходит, постоянно оглядываясь и махая мне ручкой вслед.

Я начинаю бежать к кафе со всех ног. Лишь бы никто не нашел мою маленькую книжку с секретами. Задыхаюсь, горло начинает драть, под боком колоть, ноги подгибаться, и я перехожу на быстрый-быстрый шаг.

Внесшись в кафе, я вижу, что столик, за которым мы сидели, уже занят. Подойдя ближе, я узнаю этого человека. Это был тот самый кучерявый парень из школы, который сидел на рюкзаке в мой первый день. Задаюсь себе вопросом: «А почему я больше его ни разу не видела в школе?». Но потом вспоминаю, что в школу я ходила от силы неделю и могла его с легкостью не заметить. Он сидел на том самом месте, где сидела я, и держал в руках мою «волшебную книжечку». Я подхожу к столику и начинаю смотреть на него в упор, боясь потревожить его и разоблачения. Парень еще несколько секунд читает книгу, я еще больше напрягаюсь, а затем поднимает голову на мой кашель.

– Твоя? – Он указывает на раскрытую книгу.

– Да. – Киваю.

– Ясно. – Парень приподнимается и, кладя деньги в счет, выходит из-за стола. Вешает на руку за лямки рюкзак. – Держи, Эмили Беннет. – Отдает мне в руки мою книгу.

Я недолго думаю, удивленно моргая, а затем удивленно спрашиваю:

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Угадай, – отвечает он с легкой ухмылкой.

Я раскрываю книгу, проверяя наличие там листиков, а затем случайно открываю форзац. Точно! Формуляр! На нём ведь написано моё имя. Угукаю, давая знак парню, что я поняла его намёк, и кладу свою книгу в сумку на самое дно, чтобы уж точно нигде её не потерять. Парень уже надел свой рюкзак и собрался на выход, но затем он остановился и произнес:

– Кстати, «Боже, помоги девушке» – просто ужас. – И ушел.

– Что? – удивленно произношу я.

Я смотрю на то место, где был парень. Затем снова роюсь в сумке, открываю книгу и вижу там свои песни. Я все понимаю. Он их читал! Вот же паршивец! Выхожу из кафе по направлению к дому – тут недалеко, всего квартал пройти – и начинаю говорить сама с собой:

– Ах, подлец! Подлец! Подлец!

Когда я пришла домой, то на пороге меня встречает Кристи, улыбаясь, но я лишь громко хлопаю входной дверью. Всё ещё гневаясь, бросаю сумку в угол и начинаю снимать с себя обувь и верхнюю одежду.

– Что-то случилось? – спрашивает сестра.

– Нет, все отлично! – язвлю я.

– Я тут приготовила сюрприз, – говорит она и провожает меня на кухню.

Стол накрыт. За ним сидят наши родители. «Это примирительный ужин», – вспоминаю я. Когда я вхожу в комнату, они переглядываются и улыбаются мне.

– Так вот ты зачем меня хотела выпроводить, – шепчу я.

– Ты должна их простить, – отвечает Кристи и направляется к столу.

– Привет, – я машу им рукой, – мам, пап.

Мама не выдерживает и вскакивает со стула, чтобы обнять меня. Я сначала не отвечаю. Что произошло в больнице, то было в больнице. Я все еще немного злюсь на них, а, может, я злюсь на того парня. Но затем к объятиям присоединяется отец и шепчет:

– Мы, правда, хотим, чтобы ты нас простила.

Затем еще и Кристи обнимает нас всех. И я не смогла не ответить. Я обнимаю одной рукой родителей, а другой стараюсь достать до сестры. Она берет мою руку. Мне тепло. Я чувствую себя в кругу настоящей семьи, и, наверное, понятие «дома» приобретает для меня снова истинное значение. Желание «помириться с родителями» было даже не в первой десятке всего моего списка, но оно исполнилось вторым.

Комментарий к главе

* – *приблизительный перевод песни «Half of me» с добавочными элементами от меня, т.к. официального перевода нет.*

** – *перевод песни «God help the girl».*

Двенадцать

Эмили

Серые будни сменяли друг друга, недели шли очень быстро. Время летело. Его не остановить.

– Вечеринка в честь Хэллоуина! Вечеринка в честь Хэллоуина! Приходите все!

По школьному коридору расхаживают девушки и парни и раздают всем листовки о предстоящей вечеринке в доме у какого-то парня. Они обращаются ко всем прохожим, чтобы привлечь внимание.

– Приходи сегодня на вечеринку, – говорит мне девушка и дает листовку, – не пожалеешь.

– Ок'ей, ладно, – отвечаю я и беру лист, лишь бы от меня отвязались.

А затем пробираюсь сквозь толпы людей к библиотеке, чтобы отдать старые и взять новые книги. Мне пытаются еще несколько ребят дать листы, но я махаю уже взятым перед их носами, и от меня отстают.

Я беру с полка в библиотеке несколько книг классиков, заполняю формуляр и замечаю, что на многих книгах стоит одно и то же имя: «Майки Б.». Мне вдруг стало интересно, как же выглядит этот парень, и вообще, пообщаться с ним, ведь мы читаем одинаковые книги. Читающие парни в наше время – это большая редкость. А человек, который читает с тобой одинаковые книги и, скорее всего, имеет такие же увлечения, встречается ещё реже.

– Эй, – говорю я девушке, подрабатывающей в библиотеке, – ты не знаешь парня, который до меня брал эти книги?

– А на формуляре разве не сказано, кто он? – отвечает девушка.

– Майки Б., не знаешь таких?

– Не-а. – Девушка облокачивает об стойку библиотекаря и кладет голову на руки. – А вообще у нас по школе много Майков Б. расхаживает, потому тут не угадаешь.

– Ясенько. Спасибо. – Кладу книги в сумку и выхожу из библиотеки.

Затем, когда я направлялась на тригонометрию, ко мне подбежала Лондон и начала спрашивать по поводу вечеринки. Она что-то там говорила, восторгалась такой необычной идеей, обязалась повести меня с собой, но я отказывалась.

– Ну, дава-а-ай, – упрашивала она. – У тебя что, в списке нет вечеринок?

– Нет. Не приравнивай все к списку, там многих вещей нет. – Когда я это произнесла, то поняла, насколько грубо это звучит со стороны, но было уже слишком поздно. Что ж, по крайней мере, я не скрываю истинного отношения к данной идее.

– Эмили, ну же! – Лондон хватает меня за руку и пытается сделать так, чтобы я обратила на неё внимание, но я лишь разворачиваюсь и тяну её за собой в кабинет. – Эмили, оторвешься, как следует, а я помогу тебе со следующими пунктами в твоём списке. – Не унималась она.

– Ты даже не знаешь, чего я еще желаю, – бурчу себе под нос, но Лондон все слышит.

– Но ты мне скажешь, ведь так?

– Может быть.

– Эмили, ну, пожалуйста, – говорит она и строит мне кошачьи глазки. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Без тебя мне будет скучно.

Я подумала, что она как-то раньше и без меня обходилась на вечеринках, пусть это было и давно. Но я ничего не говорю. Быть может, что-то в ней изменилось, от чего она не хочет посещать её одна, а может, всё из-за того, что я умираю. Не знаю.

– Если я соглашусь, то следующие подобные вечеринки мне можно будет пропустить? – спрашиваю я.

– Отлично! Значит, я зайду за тобой часов в шесть, ты успеешь подобрать костюм? – Лондон хлопает в ладоши и обгоняет меня, затем разворачивается ко мне лицом и ждёт моего ответа.

– Успею, – произношу я.

– Круто! – восклицает Лондон. – А как там Брэд?

– Ты о чем?

– Будто ты не знаешь, колись.

Лондон, безусловно, думает, что я, как и она, буду также общаться с первым встречным, что теперь, возможно, буду с ним даже парой, и у нас всё наладится, и я буду счастлива до конца своих дней. Но это не так. Он не тот, кто мне нужен; он мне не подходит; и я не испытываю к нему никаких чувств. И я знаю, что он – почти что полная копия Лондон. Я уверена, что Брэду интересны только лишь вечеринки, алкоголь и девушки. Значит, я не должна общаться с таким типом, потому что он ничего не привнесёт в мой остаток жизни. Не стоит тратить своё время на ненужных людей.

– Я с ним не общаюсь. Видимся только на переменах, – проговариваю.

– Но почему? Ты ему вроде нравишься.

– Я не хочу общаться с парнем, у которого первое впечатление обо мне складывается по одному дню, проведенному в качестве тебя. – Я вновь чересчур резко говорю.

Сказанная мною фраза не означает, что мне и с Лондон нужно прекратить общаться. Лорен является исключением. Она двулика: одна её сторона – полнейшая оторва, вторая – заботливая и верная подруга, причем последняя открывается только лишь для меня и моего окружения.

– Ой, да ладно. – Она толкает меня плечом. – Ты такая зануда, что мало кто смог бы с твоей персоной познакомиться.

– Точно! Ну, спасибо, – с укором произнесла я.

– Ты понимаешь, о чем я. Ты – зануда, Эм. Если ты хочешь познакомиться с кем-то да поскорее, будь хотя бы чуточку открытой.

– Хорошо, Лондон. Идем на тригонометрию.

По пути в класс я снова встретила того самого парня. Мы шли навстречу друг другу, он смотрел на меня, я смотрела на него. Но никто из нас не сказал ни слова друг другу. Между нами словно бы бездна. Он – по ту сторону экрана, я – по эту; мы наблюдаем друг за другом, между нами какое-то мрачное напряжение, но мы не видим друг друга. Мы – обычные прохожие, которые встречаются взглядами каждый день на улицах, которые не запоминают лица друг друга и не передают значения таким вот случайным встречам. Незнакомые. Невидимки. Когда этот парень прошел мимо нас с Лондон, я произнесла:

– Вот же подлец! Сделал вид, что мы с ним незнакомы.

– Кто? – спрашивает Лондон и глядит по сторонам, пытаясь понять, что же она упустила из виду.

– Ладно, забудь.

– Эй, да кто это был? – Пристала подруга.

– Мы с ним столкнулись в начале месяца в кафе. Не то чтобы повздорили, но, видимо, у нас теперь взаимная неприязнь друг к другу, – делюсь я с Лорен.

– А почему ты мне ничего не рассказала раньше? Стой, вы столкнулись в начале месяца, а встретились снова только сейчас?! – удивилась Лори.

– Да, его редко встретишь в школе. А не сказала, потому что подумала, что ты начнешь приставать с вопросами. – Пожимая плечами и продолжая идти дальше, к классу.

– И правильно подумала. – Она щелкнула пальцами и рассмеялась.

– Ладно, идем, а то мы уже опаздываем. – Подталкивала я подругу. Она словно бык, постоянно останавливалась, оборачивалась, заставляла и меня остановиться и не сдвигалась с места, пока я ей не начинала рассказывать всё в подробностях.

– Нет, ну все же, как так можно? – Не унималась Лондон.

А я её не слушала, просто толкала вперед, чтобы она шла, а не останавливалась. Толкала и думала о том, что же будет сегодня вечером, и волнение накрывало меня. Я ещё ни разу не была на вечеринках, а уж тем более такого масштаба, чтобы о ней вся школа знала. Чувствую, мой эскапизм и мизантропия резко усилятся после сегодняшнего вечера.

На вечеринку я решила пригласить и Ив. Она подъехала к моему дому в пол шестого, где мы вместе ждали Лондон.

У Ив хороший вкус. Она решила быть вампиром, потому на ней длинное струящееся черное платье, которое так подходило её темным волосам. Если бы я не знала её, то могла бы поспорить, что девушка увлекается готикой – до чего же ей идёт чёрный цвет.

– Ты как, хорошо себя чувствуешь? – спрашиваю я, заметив, как бледна девушка.

– Я в порядке. Просто немного устала. – Ив улыбается. Она улыбается всегда, и не важно, хорошее ли у неё или плохое самочувствие.

– Точно? Тебе не будет хуже потом? – Волнуюсь я.

– Да нет, это ничего. Полежу дома несколько дней, и все придет в норму, – говорит она чересчур легкомысленно, но, тем не менее, её слова меня не успокаивают.

Я была колдуньей. На мне было прямое черное платье до колен с длинными рукавами, белый воротник, остроконечная шляпа и ботинки. Все очень просто. Не люблю излишеств.

Лондон же была очень откровенной медсестрой, собственно, я не была удивлена. Как ни странно она приехала вместе с Трентом на его машине почти в шесть часов. Трент был графом-Дракулой.

– Привет, ребят, – сказала я. – Знакомьтесь, это Ив. Ив, это Лондон и Трент.

Мы с Ив сели в машину на задние сидения. Лондон обсуждала то, как же безвкусно, на её взгляд, я оделась, и то, какие шикарные волосы у Ив. Она постоянно восторгалась чем-то и всплескивала руками.

– А куда мы вообще направляемся? – поинтересовалась я.

– Ты разве не знаешь? – спросила Лондон и кинула мне флаер в руки.

Я посмотрела на листовку. Тот, кто её делал, определенно хорошо владеет фотошопом. Прекрасное оформление, отлично подобраны цвета. Адрес, где проводится вечеринка, есть, но кто хозяин?

– Мне это ничего не говорит, – говорю я. Ив берет листовку и рассматривает её. – Кто устраивает вечеринку-то?

– Гарри – хозяин, – отвечает Трент.

– Это ещё кто? – переспрашиваю я.

– Гарри, капитан футбольной команды, – уточняет парень.

– Ты хочешь сказать, что Брэд там будет? – Делаю вывод я.

– Да, он хочет сказать именно это, – произносит Лондон прежде, чем Трент сумел что-то ответить.

– Вот же попала...

– В смысле? – спрашивают в один голос ребята, а Ив внимательно следит за всеми.

– Я не хочу с ним встречаться. Если честно, то он меня даже не интересуется, – отвечаю.

– Ого! – Прыснул Трент. – А он-то думал, что нравится тебе. – И коварно улыбнулся.

– А чего смешного-то? – проговариваю я.

– Эй, подруга, – сказала Лондон и, перекинувшись через переднее сидение ко мне, продолжила, но уже тише, – если ты упустишь свой шанс, сама же пожалеешь, – и вернулась в прежнее положение.

Как только Лондон перестала обращать на меня внимания и начала болтать с Трентом, Ив спросила:

– О чем это она? – шепотом.

– Наверное, о том, что я должна «пожить», – также тихо произношу, но делая очевидный акцент на последнем слове.

Гарри жил довольно далеко. За городом. Минут двадцать мы только добирались по трассе до его места жительства. Потеряться было невозможно. За несколько метров до дороги, ведущей прямо в гущу леса, на деревьях стали появляться различные фонарики и лампы. Причем, чем ближе мы были к дому футболиста, тем больше их становилось. Затем же у самого начала проезда стала слышна музыка. А проехав чуть дальше, перед нами открылся чудесный вид: огромная поляна, со всех сторон окруженная деревьями, светилась разноцветными гирляндами, лентами и Джек-фонариками. Искусственный туман и звуки, доносящиеся не пойми откуда, придавали этому зрелищу жуткий вид. Где-то кричали вороны, где-то гудел ветер, кто-то завывал. А злые и устрашающие Джек-фонари каким-то образом плыли по воздуху. Даже несмотря на яркие и веселые фонари, развешенные повсюду, мурашки пробегали по телу.

Дом у Гарри был огромный: два этажа, еще, походу, парковка и бассейн, в котором уже кто-то плескался. Все подъездная площадка к дому была забита машинами, а еще на поляне у Гарри уместилось Хеллоуин-чучело, потому Трент не знал, куда припарковать свою машину.

– В общем, идите. А я найду место, где припарковать машину, и присоединюсь к вам, – сказал он.

– Увидимся, – говорит Лондон и легко целует его в щеку.

«Это странно. Чертовски странно», – думаю я, выходя из машины. Кажется, подруга сама и пренебрегла своим самым главным правилом.

На эту вечеринку, походу, пришло пол школы, если не вся. Веселье было в самом разгаре. У самого входа уже были разбросаны красные стаканы, которые обычно наполнялись пивом из специальной бочки. «Бочка с соком» – так её называют, и, наверное, это знает любой ученик старшей школы или студент. Окурки, не до конца докуренные косяки, упаковки из под «Трояна» – всем этим уже был забит дом.

– Ого! – выкрикнула Лондон, чтобы её было слышно сквозь музыку. – Видимо, вечеринка началась не в шесть, это точно!

Лондон повела нас сквозь толпу. Ив старалась держаться меня и не терять из виду. Я же делала то же самое, боялась, что ей может стать плохо. Запах дыма преследовал нас повсюду. «Интересно, после этой вечеринки он когда-нибудь выветрится?» – думала я.

Подруга нашла подходящее для нас местечко: небольшой участок свободного места у окна, где накуренность помещения не была бы так остра. Мы с Ив присели на диван и, молча, наблюдали за тем, как люди трутся друг об друга под музыку, как они целуются, вжавшись в стены, и как идут, державшись за руки, на второй этаж – явно заниматься сексом. Как пьют одиночки, сидя у бара, и как такие же, как мы, сидят и наблюдают за всем.

– Эй, чего вы кислые? – Разбавила атмосферу Лондон. – А я вам по мохито принесла!

– Лондон... – произношу я, укоризненно смотря на подругу.

– Да ладно вам, от стаканчика ничего не случится!

Ив взяла из руки Лондон стакан и залпом осушила его.

– Ого! – произнесли мы.

Ив легонько улыбнулась и произнесла:

– Нужно же оторваться на конец жизни!

Я последовала её примеру, но пила медленно, чтобы не так быстро опьянеть.

Напротив меня сидел парень, одетый, как Фредди Крюгер. Лица его не видно, потому что оно скрывалось под маской, но то, что он наблюдал за мной, было ясно сразу.

– Эй, кто-нибудь хочет посоревноваться со мной в вылавливании яблок ртом? – закричала уже явно опьяневшая Ив – Лондон влила в неё еще парочку стаканов с мохито.

Толпа, услышав это, расступилась, ожидая противника Ив. Сделав несколько шагов вперед, вышла девушка, облачившаяся в коротенький костюм Кровавой Мэри.

– Я хочу посоревноваться, – хитро улыбаясь, высокомерной походкой и с неуязвимой гордостью зацокала приближавшаяся противница, – но не с тобой, – продолжила девушка. И тут я узнала я.

– Я вызываю Лорен Уоррен или, как её все называют, Лондон, – произносит Стейси. – И не смей отказываться! – Шикает блондинка в сторону, где стоит подруга.

– Как-то и не собиралась, – произносит Лондон.

Музыка в зале затихла. Я только сейчас заметила. Все внимательно следят за вторым раундом перепалки моей подруги с mean girls. Наверное, тогда это новость произвела просто фурор на всех!

На мой мобильник приходит спам-рассылка. «Внимание! Все, кто сейчас находится на вечеринке у Гарри Фобсона, поспешите заглянуть в его дом на новую потасовку Уоррен и Лоуренс! Вы не должны это пропустить!» – гласило сообщение.

– А я с радостью посоревнуюсь с твоей подругой. – Вперед вышла еще одна девушка из компании mean girls. Та самая, которая всегда была со Стейси. Кажется, её фамилия Мак-ки.

Не прошло и пяти минут, как посередине зала оказались две металлические ванночки, наполненные водой доверху, в них плавали яблоки. Правила таковы: вам дается одна минута, кто больше всех выловит яблок ртом – без участия рук, конечно, – тот и выигрывает.

Внезапно появляется Брэд с двумя бокалами мартини.

– Привет, – говорит он.

– Здравствуй, – отвечаю.

– Напряженная борьба будет.

– Угу.

– Хочешь? – спрашивает он, замечая, как же я напряглась.

Я просто беру из его рук бокал и выпиваю. Горло жжет. Я закашляла от того, что напиток такой горький. Горячительная жидкость потекла по гортани к желудку. В груди печет, но это приятное чувство. Я выплевываю оливки обратно в бокал (ненавижу оливки) и возвращаю его Брэду.

– Спасибо. – Киваю.

– Ну что, дети, вы готовы? – Шутит парень, держащий в руке микрофон. Видимо, он будет вести соревнование.

– Всегда готовы! – отзывается толпа.

– Я не слышу, – говорит он.

– Так точно, капитан! – Продолжают зрители.

– Да начинай ты уже! – Шикает Стейси.

– Ок'ей, ок'ей. Что ж, компании у нас такие: Стейси – Лондон, Феба и-и-и-и...

– Её зовут Ив, – спокойно говорит Лондон.

– Ага! Значит, Стейси – Лондон, Феба – Ив. Давайте, по местам расходитесь, – командует парень.

Девушки садятся на коленки, пряча руки за спиной. Если хоть одна из них захочет помочь себе руками, то будет дисквалифицирована.

– Итак, все распределились. Участники готовы? – интересуется ведущий.

– Готовы!

– На счет три, можете приступать!

И толпа начинает считать:

– Один!

– Два-а-а-а!

Небольшая пауза.

– Три! – произносит в микрофон парень.

Девушки энергично начали пытаться достать до яблок. Мокрые, задыхающиеся, они старались выловить как можно больше фруктов.

Зрители ликовали. Кто-то выкрикивал имя Лондон и Ив, кто-то болел за команду team girls. Все были, безусловно, рады хоть какому-то зрелищу.

– Пятьдесят! – вел обратный счет командир.

И тут Ив вытаскивает из воды яблоко, держа его за корешок в зубах, и бросает на пол рядом с собой. Глаза Фебы стали бешеными, она не могла ей уступить. Затем яблоко вытаскивает и Лондон, чему Стейси невероятно «обрадовалась».

– Тридцать восемь!

Стейси набрала обороты и вытащила два яблока подряд. Хладнокровно глядя на неё, Лондон тоже вытаскивает яблоко за яблоком. Затем еще пару достает Ив.

– Двадцать!

Ив, кажется, вошла во вкус. В её кучке уже пять штук фруктов. У Фебы два. У Стейси три яблока, а у Лондон семь! Всем и так было ясно, на чьей стороне перевес.

– Десять! Девять! Восемь! Семь!

Феба со всех сил спешила догнать Ив. Её подруга вылавливает еще яблоко.

– Шесть! Пять!

Стейси напугана. Она не хочет проиграть. Пытается достать яблоко, плавающее рядом с ней. Её руки дрожат. Уже шесть.

– Четыре! Три!

Стейси пытается достать зубами другое яблоко, но не выдерживает и хватается руками.

– Два!

Феба достала еще одно яблоко. Стейси тоже. Она радостно улыбается.

– Один! Стоп!

Толпа гудит и воет, присвистывает. Зрители хлопают в ладоши.

– Итак, в первой паре у нас семь – восемь, а во второй пять – три.

Все четверо поднялись. Стейси хитро смотрит на Лондон и улыбается, кажется, она произнесла: «Ха». Лондон смотрит на неё равнодушно.

– Можно подумать, что общий счет один – один, НО! Так как Стейси нарушила правила, она проиграла. Победа у вас, девчонки, – обращается парень к Лондон и Ив.

Первая бросается обнимать Ив, что-то шепча ей. Они, опьяневшие и радостные, вместе пританцовывают. Я сажусь снова на диван, мне спокойно.

– А твои подруги умницы, – говорит мне девушка, сидящая рядышком.

– Не то слово, – отвечаю я. В груди так тепло.

Музыка становится громче. Все разбегаются по своим делам. Лондон вновь победила. Стейси, сжав руки в кулаки, наблюдает за ней. Её трясет от злости. Феба пытается её увести, но Стейси не слушает. Она хватается за край ванночки и переворачивает её:

– Ну, Уоррен! Я с тобой еще поквитаюсь! – кричит она.

Пол залит водой. Приподнимаю ноги, чтобы не намочить обувь. К моим ногам скатывается яблоко. Я беру его в руки, оно мягкое, даже немного подгнило. «Странно», – проносится у меня в мыслях.

– Эй, Стейси, – выкрикиваю я.

Та оборачивается, услышав своё имя. Я со всей силы бросаю в неё яблоко. Хэдшот! Прямо в голову! Из-за того, что яблоко было мягкое, оно разлетается от столкновения с голо-

вой блондинки. Все её волосы теперь в кусочках яблока. Она кричит от неожиданности. Пытается вытащить фрукт из волос. Рычит. Ребята вокруг начинают смеяться.

– Теперь мы квиты! – кричу я.

Стейси краснеет, затем синеет, и из её гневных глаз льются слезы. Наверное, её никогда не опускали вот так при людях. И она, пряча слезы, скрывается в толпе вместе с подругой.

– Вот это ты ей врезала, молодец! – Подбегает Лондон и, схватив меня за щеки, тербит их, а затем целует и лезет обниматься.

Музыка вновь заиграла. Свет полностью отключили. Теперь ничего не разглядеть. Лондон схватила Трента, тоже наблюдавшего за поединком, и потащила его плясать. Ив пригласил на танец какой-то парень. Ко мне подошел Брэд:

– Эй, было круто, – говорит он.

– Да, наверное, круто, – вторю я.

Брэд

Я сидел на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Вокруг меня то и дело зажимались парочки, ходили туда-сюда, вверх – вниз. Меня это порядком раздражало. Интересно, почему чертов Гарри не запрещает своим гостям пользоваться его спальнями, да и другими комнатами? Неужели ему это нравится? Хотя даю руку на отсечение, что он и сам развлекается с какой-нибудь грудастой девушкой наверху, пока Фебы нет. Она что, настолько слепа и тупа, что не видит того, как Гарри ей пользуется? Ах, да. Репутация и все такое. Если бы не это чертово пари, я бы не разыгрывал весь этот спектакль и, наверное, все также поддерживал свою репутацию одного из самых красивых парней в школе, встречаясь со Стейси. Однако, вся эта ситуация даже еще больше прибавила мне популярности.

– Эй, Брэд! – увидев меня, кричит Трент. – Здорово, друг, – произносит он, присаживаясь рядом, и мы приветственно ударяемся кулачками.

– Здорово. Ты их подвез? – спрашиваю я.

– Естественно. Знаешь, я думаю, что ты никогда не выиграешь в нашем пари. – Трент щурится от мерцающего света, он ухмыляется.

– Почему это? – удивляюсь я.

– Есть на то причины.

– Ты что-то от меня скрываешь? – спрашиваю я у Трента.

– Конечно, иначе мне не победить!

– Ха! Это мы еще посмотрим. – Прыскаю в кулак я и чувствую, как в кармане вибрирует телефон.

«Очередная рассылка новостей от Бриттани. Какая скука», – думаю я, а затем читаю сообщение.

– Воу, друг! Да тут у нас намечается потасовка наших знакомых, = удивленно произношу и даю прочесть сообщение Тренту.

Мы спускаемся на первый этаж и обходим множество комнат, прежде чем находим нужную. Соревнование по вылавливанию яблок ртом. Забавно. Эмили стоит в противоположном конце комнаты, лицо у неё испуганное, но сосредоточенное. Я решаю добавить ей чуточку уверенности, хватаю с бара первые два попавшихся напитка – все равно сейчас такая шумиха, что никто и не заметит этого – и иду по направлению к ней.

– Привет, – говорю я.

– Здравствуй, – произносит Эмили без каких-либо эмоций в голосе.

– Напряженная борьба будет. – Пытаюсь как-то продолжить разговор.

– Угу, – коротко отвечает мне она.

– Хочешь? – Я решаю перейти сразу к действиям.

Эмили забирает из моих рук напиток (только сейчас я замечаю, что это мартини), залпом выпивает, а затем откашливается. Наверное, она не пьет, раз ей непривычно это чувство горечи в горле.

– Спасибо, – говорит и отдает мне бокал.

Я ставлю оба бокала на небольшой кофейный столик, стоящий сбоку от диванчика, и наблюдаю за состязанием. Трент стоит недалеко от меня, в стороне ото всех. Я подхожу к нему и киваю в сторону Эмили:

– А ты уверен, что она девственница?

– Нет. – Он качает головой, а потом, похлопав меня по плечу, толкает вперед. – Вот ты и проверишь.

Стейси и Феба проигрывают. Теперь Стейси зла на весь мир. Эмили кидает в неё яблоко, которое, видимо, было подгнившим, и оно лопается об голову блондинки. Свет выключают, становится ужасно темно, музыка вновь играет. Когда Трент переключает внимание Лондон с Эмили на себя, я подхожу ко второй. Замечаю, что никто так и не взял второе мартини, которое я оставил на кофейном столике.

– Это было круто, – говорю я.

– Да, наверное, круто, – отвечает мне Эмили.

Я разворачиваюсь, чтобы взять второй бокал мартини, а когда поворачиваюсь, то Эмили уже расслабленно и довольна плюхнулась на диванчик.

– Не против выпить со мной? – спрашиваю я, подавая Эмили мартини.

– Нет, конечно, – говорит она иным, более звонким голосом.

«Алкоголь, видимо, ударил в голову», – пронеслось у меня в мыслях.

Когда она выпивает второй бокал мартини, я предлагаю ей что покрепче, и Эмили соглашается. «Ого! Неужели её так всего с двух бокалов разнесло?» – думаю я, пока направляюсь к бару, где заказываю нам по стопке виски. Вернувшись, я замечаю, что Эмили все также сидит на диване:

– Я тебя уже заждалась, – говорит она звонко.

– Виски? – Я протягиваю ей рюмку.

– Спасибо.

– Слушай, пошли, поболтаем? А то тут слишком шумно, – шепчу я ей.

Эмили заливается звонким детским смехом:

– Поговорить? Если хочешь меня, мог бы так и сказать!

«Какие чудеса творит алкоголь!» – проносится в мыслях у меня. Меня прямо-таки распирало от радости.

– Пошли, – говорит она.

Я беру девушку за руку и веду на второй этаж. Когда Эмили пьяна, она такая грациозная! Мы заходим в первую попавшуюся комнату, к счастью, она оказалась пуста. В темноте мало что можно было разобрать, но кровать я разглядел. Я подошел к Эмили и поцеловал. Она страстно мне ответила, на её губах все еще был привкус алкоголя и еще чего-то... ванили? Наверное, помада такая.

– Эм, это точно ты? – спрашиваю я.

– Конечно, я. Кто же еще? – пролепетала она и вновь прильнула к моим губам.

Мы слились в страстном поцелуе. Мои руки бегали по груди Эмили, по бедрам, и на этот раз она меня не останавливала. Голова была забита всяческими мыслями: какая же тонкая талия у Эмили, что она, похоже, надела лифчик с пуш-апом, и от этого её грудь кажется такой большой и соблазнительной, что у неё чертовски упругая попка. Мы раздевали друг друга. Видимо, намерения Эмили были серьезными, настолько она была решительна.

– Нет, – говорю я, когда она хотела снять свой лифчик. – Пусть останется. Мне нравится твоя грудь в нем.

Она ложится на кровать и приглашает меня:

– Ну же, иди ко мне. Я не кусаюсь.

И я соглашаюсь. Меня немного смущило то, как была равнодушна Эмили, словно она заранее знала, что должно случиться здесь, наверху, как только я поднес ей первый бокал мартини. Но я и ликовал. Ха! Выкуси, Трент!

Эмили лежала подо мной, готовая к любым действиям, не боялась, не плакала, даже не смеялась. Я медленно снимаю с неё трусики и спрашиваю, как бы, между прочим:

– А ты девственница?

И она снова залилась своим звонким смехом. Я было подумал, что она накурилась или приняла какое-нибудь психотропное вещество – до того громко она смеялась.

– Нет, конечно. Давай же, не бойся, – произнесла она, успокоившись.

Я немного растерялся, но дело оставалось за малым.

«Все-таки Трент ошибался!» – подумал.

Она вздыхала, охала и стонала как-то наигранно, что ли. Я ловил себя на мысли, что так и должно быть, раз она не девственница, но червячок сомнений прокрадывался в мою голову.

Эмили

– Эй, было круто, – говорит Брэд.

– Да, наверное, круто, – вторю я.

Мне вновь приходит сообщение: «Озлобленная из-за проигрыша Стейси наткнулась на местную шлюху в парадном зале! Что же будет!»

Пока Брэд отвернулся, я незаметно ускользаю. Из-за темноты очень сложно разглядеть что-либо, но открытые окна и лунный свет хоть немного, но освещают путь. Впереди слышатся крики и возгласы Стейси.

– А ты чего сюда приперлась?! – вопила она. – Шлюхам вход всегда и везде запрещен, если ты не знала, Фелиция!

– Стейси, милая, а что это с тобой такое? – сладко протянула та самая Фелиция. – В тебя что, тухлым помидором кинули?

Я не могла разглядеть, как же она выглядит. Только заметила рюкзак и длинные волосы. Глаза еще не сильно привыкли к темноте. Свет мерцал.

– Пошла отсюда! – Визгнула блондинка и толкнула собеседницу. – Шлюхам здесь не рады!

– Что-то я не видела такого предупреждения на флаере.

– А к чему его писать? Ведь тебе любые двери открыты, стоит только переспать с кем-нибудь! Сколько у нас дверей в школе? Ах, да! Много.

– Я тебе все волосы выдеру, стерва! – произносит Фелиция и направляется к Стейси. Та пятится, но Фелицию кто-то хватает за руки.

– Она этого не стоит, – говорит ей мягкий, знакомый мне голос.

Меня раздражает Стейси, и потому, уже привыкнув к темноте и разглядев все, я выхожу вперед:

– Эй, Стейс, тебе что, было мало? Я могу еще что-нибудь тухленькое найти. Знаешь, я тут поняла, что из меня отличный хэдшотер вышел бы!

– Вали к херам, Беннет! – огрызается блондинка.

– Нет, это ты уйдешь вместе со своей подружкой. – Я киваю в сторону Фебы.

– С чего это? – Язвит она.

– С того, что все и так уже видели твоё унижение, а сейчас унижаешься ты еще больше.

– Я вам еще это припомню, – говорит Стейси и, подойдя ко мне, грозит пальцем. – Запомни мои слова.

– Ланнистеры всегда возвращают долги, да? – Шучу я, деля отголосок в известный сериал.

Те, кто понял всю суть моей соли, начинают потихоньку смеяться.

– Вы у меня еще все посмеетесь! – Истерит Стейси и, взяв под руку Фебу, покидает вечеринку.

– Ну да, ну да! – бросаю ей в след слова и оборачиваюсь.

Фелиция кивает мне и говорит одними губами «Спасибо». Её за руку держит парень – Фредди Крюгер, я узнала его по накладным ногтям.

– Эй, кто-нибудь, принесите мне, пожалуйста, лист бумаги и фломастер! – говорю. В моей голове безумная идея.

Я выхожу на улицу и подхожу к чучелу Хеллоуина. Мне приносят лестницу и помогают подняться по ней. На лицо чучелу я креплю лист бумаги и спускаюсь на землю.

– Гори в Аду! – говорю я.

Чучело загорается. В средневековые века люди постоянно сжигали чучела на Хеллоуин, чтобы отпугивать злых духов, призраков и восставших мертвецов огнем. Все начинают смеяться и повторять за мной:

– Гори в Аду!

Кто-то фотографирует это на телефон, кто-то снимает. В свете от костра я немного вижу лицо Фелиции, она улыбается и смотрит на огонь. На лице чучела я прикрепила лист бумаги, на котором написано большими печатными буквами имя: Стейси.

Брэд

Когда мы закончили заниматься сексом, Эмили растянулась на второй половине кровати и, закутавшись в одеяле, уснула. Я быстро собрал свои вещи, оделся и спустился вниз, ища Трента, чтобы сообщить ему о выигранном пари. Увидев его, сидящего у стены и курившего косяк, я поспешил. Меня так и распирало от радости все ему рассказать! Комната была полупустая, наверное, большинство ушло купаться в бассейне или еще какое-нибудь зрелище нашли.

– Эй, друг, я выиграл! – радостно произношу, толкая его в плечо.

– Серьезно? – немного заторможено отвечает он. Накурился.

– Да, гони мой выигрыш!

Трент моргает, а затем трёт свои глаза, пытаясь прийти в себя. Он наклоняется голову в сторону, а затем вновь поднимает взгляд на меня.

– И когда же ты успел, друг мой? – интересуется Трент.

– Только что. Она спит наверху, – говорю я.

А затем вижу, как в дверном проеме появляется Эмили. Она, улыбаясь, остановилась в дверном проеме, потирая свои плечи от холода, и стала оглядывать комнату.

– Вот, смотри, – проговариваю и направляюсь к ней. Трент идет следом.

– Эй, привет, – говорю я.

– Мы уже встречались сегодня, – отвечает Эмили.

– Ну да. Это я... эм... Ты как? – интересуюсь.

– Хорошо. – Эмили пожимает плечами. – А что такое?

Нас перебивает девушка, нарядившаяся в костюм предсказательницы. Она появилась ни откуда, держа в руках небольшую миску с водой.

– Не хотите узнать имя вашего будущего суженного? – спрашивает она у Эмили.

– Не знаю. А как это? – Эмили чуть-чуть усмехается. Ей определенно нравилось то, насколько человек может вжиться в свою роль на Хеллоин, и, наверное, ей нравились такие вот забавные штучки.

– Смотрите! – проговаривает предсказательница.

Девушка кладет миску на пол, достает из кармана платья яблоко и нож и начинает срезать с яблока кожуру.

– Мы спросим имя у яблочной кожуры, – произносит она.

– Вообще-то, мы тут беседуем, а вы нас прерываете, – возмущаюсь я.

– Брэд, ты чего? Это же просто шутка, к тому же очень забавная, – прошептала Эмили.

Похоже, её забавляли такие вещи.

Девушка берет в руки кожуру и просит, чтобы Эмили подула на неё, что та и делает. А затем она бросает кожуру в миску, где та расплывается в разные стороны.

– Я ничего не понимаю, – пролепетала Эм.

– Та-а-а-а-к. Имя вашего суженного будет начинаться с буквы «М».

– Майки? – чуть слышно произнесла Эмили, но я услышал и сделал вид, что ничего не было.

– Так мы можем теперь поговорить? – спрашиваю я.

Предсказательница собирает свои вещи и покидает нас, цепляясь к другим людям, что встречаются ей на пути.

– О чем? – Эмили разворачивается ко мне лицом. Она моргает часто-часто и хмурится, недоумевая.

– О нас.

– В каком смысле?

– Ну, о том, что между нами только что было.

– А что между нами было? – удивляется Эмили. – Брэд, ты в порядке?

За моей спиной тихо хохотнул Трент. Я понимаю, насколько глупой кажется эта ситуация. И я настолько сконфужен, что начинаю болтать что-то себе под нос, не разбирая, что же говорю.

– Эм, извини, я не знаю, что несу. Наверное, я перебрал с алкоголем немного, – перевожу тему.

– М-м-м, – протягивает она.

Я разворачиваюсь к Тренту и, схватив его за шиворот, тащу на второй этаж. Нахожу ту самую комнату и заталкиваю туда друга.

– Эй, что ты творишь? Я же не виноват, что ты переспал не пойми с кем.

– Это была Эмили, я клянусь! – злобно произношу.

Затем подхожу к кровати и начинаю будить спящую там девушку. Она некоторое время мычит и разводит руками, дабы от неё отстали, но затем просыпается.

– Эм, скажи это ты?! – Я хватаю её за грудки и начинаю тряски в порыве злобы.

– Да-да, я! Что ты делаешь? – Возмущается девушка.

– Вот видишь! – Обращаюсь к Тренту и отпускаю Эм.

Тот спокойно продолжает:

– Извини моего друга. Но назови, пожалуйста, свое полное имя.

– Я Эмма! Эм-ма! – восклицает девушка и начинает медленно одеваться.

– Вот видишь! Она тоже Эм, только Эм-ма, – поясняет мне Трент.

– Вы что, чиканутые? – Делает вывод Эмма.

– Иди уже отсюда! – огрызаюсь я.

Эмма фыркает и, напялив обтягивающее платье и сапожки, покидает комнату, громко хлопнув дверью.

– Я же говорю, тебе не выиграть этот спор, – все тем же спокойным и раздражающим меня голосом говорит Трент.

– Нет! Я пересплю с ней, чего бы это мне не стоило! – выпаливаю я полным решительности голосом.

Друг смотрит на меня диковато и с некой рассеянностью. Он хотел что-то мне ответить, но решил все же промолчать.

Тринадцать Лондон

Сегодня 2 ноября. Суббота. Обычно каждую первую субботу ноября старшая школа устраивает ежегодную вечеринку у костра. Она проходит или на пустыре рядом со стадионом, или возле речки, но тоже рядом со стадионом.

Эмили не изъявила желание пойти на вечеринку, она вообще не любит такие мероприятия. Трент тоже не пойдет, а без него мне идти как-то неохота. Уже почти девять вечера. Темно. Я просматриваю странички в интернете, что-то читаю, что-то просто пролистывая.

Внезапно получаю сообщение от Трента: «Привет, я свободен, не желаешь прогуляться?»
Отвечаю: «С удовольствием». И мигом мне приходит ответ: «Тогда выходи».

Я накидываю на себя другую футболку, кофту и запрыгиваю в джинсы, затем хватаю кеды и, вприпрыжку спускаясь по лестнице, пытаюсь по-быстрому надеть их. Остановившись у двери, распускаю волосы, которые были собраны в пучок, поправляю их. Смотрюсь в зеркало: выгляжу, как всегда, хорошо, даже в обычной одежде. Восстанавливаю дыхание и, подождав еще пару секунд, открываю дверь.

– Привет, – говорит мне Трент.

– Привет, – отзываюсь я.

– Идем? – спрашивает он и протягивает мне руку.

Наши пальцы сплетаются. Он прижимает меня к себе, и мы целуемся – не так, как всегда – очень нежно, словно он пытается извиниться за что-то. Мы просто бродим по улице туда-сюда. Молчим. Меня это очень настораживает. Когда мы второй раз проходим мимо моего дома, я решила спросить:

– Что случилось?

– В каком смысле?

– Ты другой, – говорю я. – Сейчас другой. И не думай, что я в тебя влюбилась или еще что-то там, у нас просто секс. Но, тем не менее, ты другой и совершенно не так ведешь себя, как обычно.

– Я и не думаю, – произносит он, и я заметила, как его глаза блеснули в свете фонаря. – Просто... не знаю, как сказать.

– Эй, у нас все без обязательств было, помнишь? – проговариваю, разомкнув наши руки и помахав своими в воздухе.

– Да я не об этом. – Он почесал затылок.

– Тогда что? – требую.

– Эмили сегодня никуда не собиралась?

– Нет. Причем тут Эмили? – недоумеваю.

– Это все Брэд. Когда мы впервые вас увидели, тогда на физкультуре, я по её поведению просто-напросто предположил, что она может быть девственницей, и рассказал свои домыслы Брэду. А он сказал, что, значит, поможет ей с этим. И мы поспорили. Я говорил, что у него ничего не получится, и, когда услышал это из уст Эмили, удостоверился в своей правоте. Но ему, похоже, все равно. Он словно слетел с катушек, у него навязчивое желание переспать с ней, чтобы не показаться слабаком передо мной.

– Фигасе! – вырывается у меня.

– Следи за ней, хорошо?

– Конечно.

– Ты не злишься на меня? – спрашивает он.

– За что?

– За то, что я раньше не сказал.

Я слегка улыбаюсь. Киваю отрицательно, словно говорю: «Нет, конечно, я не обижаюсь».

– Черт... – произношу и закрываю лицо ладонями.

– Значит, все-таки злишься? – Сделал выводы Трент.

– Нет. Спасибо за правду. Ты самый добрый из парней, которых я встречала.

И вот я призналась. Черт, я призналась! Я не могла!

Трент гладит мою щеку пальцами, а затем целует в губы. Сначала с той же извиняющейся нежностью, а затем между нами снова пробегает искра, и поцелуй становится все более страстнее и настойчивее. Мне жарко. Мне очень жарко. Он держит меня крепко за талию, я держусь за его волосы, за спину, за шею. Обвиваю его своей ногой. Я хочу Трента. Трент хочет меня.

– Идем, – говорю я, потянув его в сторону своего дома. – Родители придут еще нескоро.

– А ты что, одна в этом большом доме? – Выдыхает он мне в лицо. Его дыхание терпкое с запахом ментола. Я киваю, не в силах произнести еще хоть слово.

Мы захлопываем входную дверь и, продолжая целоваться, поднимаемся по лестнице. Пуговицы на рубашке Трента потихоньку расстегиваются. Молнии наших джинсов расходятся. Я закрываю дверь в свою комнату на защелку и полностью отдаюсь нашей страсти.

Эмили

В моей комнате темно. Я так люблю темноту. Единственным «светильником» является компьютерным монитор, который включен. Несмотря на теплый ноябрь, – а вообще, на юге Калифорнии всегда тепло, даже в январе температура редко когда опускается ниже нуля – мне холодно. Морозит. Я уже надела свитер и укуталась в одеяло, а все равно прохладно. Возможно, я простудилась.

На самом деле я люблю холод. Почему-то он всегда был мне по духу. Помню, как после смерти Тома я поникла и стала равнодушной, а один из бывших одноклассников прозвал меня ледышкой из-за того, что я ко всему относилась хладнокровно.

Я бы очень хотела увидеть зиму, почувствовать её, стать ею. Последние несколько лет снега зимой почти нет, а если и есть, то он всего-то слегка припорошит землю и сразу растает.

И тут, как будто услышав мои мысли, герой сериала, который я смотрела, произносит:

– Зима близко.

– Если бы, – разочарованно бубню себе под нос.

Мой телефон зажужжал, оповещая о звонке. Я не стала включать свет, и потому искать мобильник пришлось в полутьме. Когда на дисплее я увидела имя «Брэд», то была очень удивлена.

– Да? – говорю я.

– Привет, ты сегодня никуда не собираешься? – мягко произносит он.

– Нет, не собираюсь, – резко говорю, даже не поприветствовав парня.

То, как он вел себя на вечеринке у Гарри, очень меня насторожило. Походу, парень влюбился. Но я-то – нет. Почему-то мне сразу захотелось включить задний привод и дать по тор- мозам. «Ну, уж нет, – думаю я, – если он втюрился, то это нужно прекращать и поскорее.»

– Почему?

– Потому что не хочу.

– Слушай, если я приеду к тебе, ты выйдешь? – спрашивает он, чуть ли не промурлыкав эти слова. Баритон его голоса был очень мягок и нежен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.